

Наталья Попова

**День
святого
Валентина**

*Время не лечит,
оно учит жить
с болью*

Наталья Попова

**День святого Валентина. Время
не лечит, оно учит жить с болью**

«Издательские решения»

Попова Н.

День святого Валентина. Время не лечит, оно учит жить с болью /
Н. Попова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834515-9

Это только в сказках всегда бывает хеппи енд. К сожалению, реальная жизнь разная, иногда даже жестокая. Герои этой повести живут своей жизнью. Они радуются и печалются, любят и ненавидят. Но однажды судьба сводит их вместе. Кем станут они друг для друга, как эта встреча изменит их жизнь? Об этом вы узнаете, прочитав повесть «День святого Валентина». С уважением к вам, мои читатели, ваша Наталья Попова.

ISBN 978-5-44-834515-9

© Попова Н.
© Издательские решения

День святого Валентина

Время не лечит, оно учит жить с болью

Наталья Попова

*И не понять, куда время не придет, хоть плачь, кто в этой
жизни жертва, кто палач.*

© Наталья Попова, 2016

ISBN 978-5-4483-4515-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Спокойно, спокойно, Рома, все будет хорошо, – сам себе внушал симпатичный молодой человек в офицерской форме с погонами старшего лейтенанта на плечах.

И маялся он бедолага от неизвестности, и боялся. Нет, не за себя боялся, а за жену свою молодую, которая, может быть, именно в этот момент рожала их первенца. А он даже в больницу проводить ее не смог.

Когда с женой Светланой они обсуждали приближающиеся роды, он был убежден сам и уверял ее, что, в любом случае, ему дадут выходные, когда потребуется.

Но товарищ начштаба, старый холостяк, не имевший ни жены, ни детей, прочитав рапорт, ответил ему так:

– Ты знаешь, старший лейтенант, сколько в советской армии офицеров? А сколько из них женатых? А сколько из них детей имеют? – и не получив ответа, продолжил свою мысль, – так вот, если каждый офицер со своей женой рожать будет, то Родину, товарищ старший лейтенант, защищать некому будет. Не она первая, не она последняя. Сам понимаешь, все офицеры на учениях, заменить тебя некем. Машину дам, а сам в распоряжение части, шаго-о-м марш!

И, повинувшись отданному приказу, старший лейтенант Краснояров вскинул руку под козырек, четко бросил: «Есть!», повернулся через левое плечо и строевым шагом направился к выходу. Приказ есть приказ. В армии не принято пререкаться со старшим по званию. Именно в этот день выпало ему заступать в наряд дежурным по части.

Он помог ей сесть в военный газик, укутал одеялом ноги, и сказал водителю:

– Не гони, но и не тащись. Аккуратно езжай. Головой мне за них отвечаешь.

– Есть, товарищ старший лейтенант. Все будет в лучшем виде. Домчу, охнуть не успеет Светлана Валентиновна. Тут всего-то 20 километров до районной больницы, – бодро ответил рядовой Маслов и деликатно отвернулся, давая им возможность попрощаться.

– Прости, родная, служба. Я буду за тебя кулаки держать и звонить буду. Держись, ты же жена офицера. Завтра, как только сменюсь, сразу к тебе, – сказал жене на ухо Краснояров, крепко поцеловал в яркие, слегка припухшие, губы свою Светку, и решительно захлопнул дверцу машины. Почти в то же миг заурчал мотор, и машина мягко тронулась с места, увозя Светку, еще не рожденного малыша и кусочек сердца Ромки Красноярова.

Был полдень, но из-за туч, затянувших небо, казалось, вот-вот наступят сумерки. Погода резко менялась. Недаром синоптики обещали резкий ветер и снегопад. Февраль.... И хотя завтрашний день по народным поверьям считался днем встречи зимы и весны, было все-таки по-зимнему холодно.

Роман Краснояров крепко потер уши перчатками и решительно направился в сторону здания штаба части, где ему предстояло провести эти, решающие в его жизни, сутки.

Он то маятником мотался по кабинету, то вдруг застывал за столом, обхватив голову руками. В памяти всплывало Светланино бледное лицо, выбившаяся из-под шапочки светлая

прядь волос, шуба, застегнутая только на две верхних пуговицы, и ее тонкие пальцы, придерживавшие полы и пытавшиеся соединить их на большом животе. А еще ее глаза! Огромные голубые глазищи, за которые и полюбил он свою Светку. В них было столько всего; и боль, и удивление, и немножко страха перед тем неизвестным, что ее ожидало. А еще укор и прощение одновременно. Ее глаза говорили, что она на него рассчитывала, а он ее, получается, подвел. Но она его за это прощает, потому что знала, за кого выходила замуж. Знала, что быть женой офицера, да не штабного, а такого, который начинает свою карьеру с отдаленных гарнизонов, совсем непростое дело. Знала, но вышла замуж, знала, что будет тяжело, но уехала за ним из Питера в далекое Забайкалье, все знала, но решилась стать матерью, потому что любила своего Ромку Красноярова.

Он то отвлекался от своих мыслей, выполняя такие знакомые обязанности дежурного по части, то вновь возвращался мыслями к своей молоденькой жене.

– Как она там? Ведь девочка совсем, только 22 отпраздновали на Рождество. Да и одна совсем, в незнакомом месте. Ни мамы, ни подружек, ни мужа рядом. Даже поддержать некому. А еще и больно и страшно, наверно, – размышлял про себя Роман, – Господи, помоги ей справиться с этим. Пусть она родит хорошего здорового малыша. Неважно, кто родится, мальчик или девочка, пусть только здоровенький ребенок будет, да и Светка пусть в порядке будет, – просил Роман.

Молодой офицер Роман Краснояров, как и все нормальные люди, в минуты особого волнения возносил молитву, как мог, от души и искренно, Тому, существованию которого в обычной жизни особого значения не придавал. Он погружался в дела, важные и требовавшие его личного участия и присутствия, но вдруг вновь вспоминал о Светлане, хватал трубку телефона и взволнованным голосом просил:

– Егоров, соедини меня с больницей. Может, родила уже?

Дежурный коммутатора рядовой Егоров был в курсе дела. Он уважал Романа Красноярова, а потому сочувственно относился сейчас к нему, понимая, как нелегко ему, как волнуется сейчас, всегда невозмутимый, старлей.

– Нет, товарищ старший лейтенант, я пять минут назад звонил. Еще не родила, – коротко и сдержанно отвечал телефонист Егоров.

И опять все начиналось сначала. Звонки, сводки, приказы и распоряжения, доклады в штаб округа о ходе учений. И, как только наступал перерыв, Краснояров опять вспоминал Свету. Их первую встречу, знакомство и то, до тех пор неведомое чувство, которое вдруг нахлынуло при появлении этой хрупкой девчушки, да так до сих пор и не отпускает. Он стоял и курил у открытой форточки, а мысли были в той белой ночи, когда они, молодые и беспечные, забыв о разводных мостах, гуляли по Питеру, а потом, когда пути к отступлению были отрезаны, она привела его к себе домой. Не бросать же человека на улице. Как они нежно шушукались и целовались на балконе, а потом пили чай на кухне. А утром, когда проснувшиеся Светкины родители вышли на кухню к завтраку, он решительно попросил ее руки, повергнув ее в совершеннейший шок, поскольку ведь только целовались, но ни о чем серьезном не договаривались. Он вспоминал, как вопросительно смотрели на Светку ее родители, ждали, что скажет дочь, а она вдруг, для самой себя неожиданно, прямо и проникновенно посмотрела в его глаза и сказала, что согласна стать его женой, и что поедет за ним туда, куда поедет он. Светланина мама, теперь уже любимая и уважаемая теща Ольга Трофимовна, тихо охнула, прикрыв ладошкой рот, и без сил опустилась на стул. А Валентин Егорович, нынешний тесть Красноярова, крикнул и взял продолжительную паузу. Все молчали, ждали, что скажет отец. Так уж принято было в Светланиной семье, что решающее слово всегда было за ним.

– Любишь ее? – коротко спросил будущий тесть, обращаясь к Красноярову.

– Люблю, – так же коротко и твердо ответил Ромка.

– Любишь его? – отец повернулся к Свете.

– Люблю, – и румянец смущения во всю щеку.

– А может, лучше узнать друг друга? Не получится так, что через год скажете, что характерами не сошлись?

– Нет, мы сошлись, – ответили дружно в один голос.

– Ну, тогда ладно. К свадьбе будем готовиться, чтоб все честь по чести, как у добрых людей, – и, обращаясь к жене, добавил, – иди, мать, детей благословим, да на стол готовьте. Помолвка у нас сегодня.

Вот так все и решилось. Казалось бы, с бухты-баряхты. Но ни разу в последствии ни она, ни он не пожалели о своем решении. Судьба!

Со свадьбой пришлось поторопиться, так как заканчивался отпуск у лейтенанта Красноярова, и через три недели ему нужно было прибыть к новому месту службы в далекое Забайкалье. Хотя и не любил Валентин Егорович власть свою употреблять и пользоваться высоким служебным положением, но тут особый случай. Светка ни за что не соглашалась что-то куда-то переносить, ждать, а тем более отпускать, теперь уже своего, Ромку в дальние края одного.

– Я, как настоящая декабристка, из Петербурга поеду за тобой в дикое Забайкалье, – шутила Света.

– А ты не боишься? Ведь даже не в городе будем жить, а в гарнизоне на границе, – проверял будущую жену на прочность Роман.

– Нет, Рома, не боюсь. Везде люди живут. Тебе ведь тоже там предстоит жить и служить. А раз ты сможешь, значит, и мне по силам. Не сомневайся во мне, я не подведу, – по-житейски мудро, как взрослая женщина, ответила эта юная девочка. И Ромка окончательно и бесповоротно поверил в тот момент, что Светлана и есть его вторая половина, которая не предаст, не подведет, и понял, что надеяться на нее ему можно, как на самого себя.

Как говорится, только «по ходу пьесы» выяснилось, что будущий тесть Красноярова – очень высокопоставленный генерал. Ведь Ромка и знать не знал, что девушка, с которой он познакомился четыре дня назад, единственная дочь генерал-полковника Скоробогатова Валентина Егоровича, о котором в войсках с придыханием говорили не только офицеры, но и солдаты. Боевой генерал, снискавший славу и заслуженное уважение в настоящих боевых действиях! Он честно прошел все горячие точки, и славился продуманными и успешными боевыми операциями. Насколько мог, берег солдат и офицеров, не принимая необдуманных решений, смело брал ответственность на себя. И побеждал!

Они познакомились совершенно случайно. Светлана, прощаясь с подругой на Невском, пятилась спиной и еще что-то кричала вслед уходящей Альке, как вдруг натолкнулась на что-то большое и, потеряв равновесие, чуть не упала, но оказалась в теплых и твердых руках, бережно подхвативших ее.

– Извините, – смущенно произнесла девушка и залилась румянцем.

– Скорее не извиняю, а благодарю. Судьбу. За то, что такой подарок прямо в руки послала, – игриво поддержал разговор высокий симпатичный шатен с серыми глазами. – Я – Роман, – представился молодой человек. – А Вы?

– Светлана, можно просто Света, – ответила девушка.

И оба застыли в молчании друг перед другом. Можно было уже попрощаться и разойтись. Но вот этого как раз и не хотелось. Хотелось продолжить знакомство. Но как это сделать?! Вроде, легко и просто! А на самом деле довольно сложно завязать разговор двум незнакомым молодым людям. Ведь первой возникает мысль, не показать своей заинтересованности. Чтобы вдруг не оттолкнули, не обидели равнодушием, не посмеялись над возникшей симпатией. Поэтому зачастую и начинается, ни к чему не обязывающий, пошловатый треп, так, на всякий случай. Но между ними все было по-другому.

- Света, если Вы не заняты, давайте погуляем, – без обиняков предложил Роман.
- Я не занята. Давайте погуляем, – также просто ответила Света.

А дальше все пошло как по нотам. Теплый июньский день, яркое солнышко на диво. Неспешно направились к Набережной Невы. И, не сговариваясь, повернули к пристани, сели в речной трамвайчик. Разговор тек легко и свободно. Не было мучительных пауз, когда по ходу приходится судорожно соображать, чем еще можно удивить собеседника и поразить его воображение, что сказать можно, а о чем лучше промолчать. Почему?! Да потому что нечего скрывать, нечего стыдиться, нет необходимости прятать какие-то намерения, о которых, до поры до времени, собеседнику знать не стоит. Как-то получилось само собой, что они начали разговор с рассказов о себе.

– Лейтенант я, пограничник. Училище закончил и сразу на границу. Служил в Таджикистане, а теперь получаю очередное звание и еду к новому месту службы в Забайкалье, на китайскую границу, – повествовал о своей короткой военной биографии Роман. – А в Питере я ненадолго. У меня здесь бабушка, а родители в Москве. Вот и приехал перед отъездом на новое место повидать ее. Теперь ведь только через год снова отпуск будет. А Питер я с детства люблю. Но бабушку больше! – засмеялся Ромка.

– А я живу здесь, с родителями, – подхватила разговор девушка, скромно промолчав о том, кто ее родители. С папой уже понятно, но и мама была не проста! Искусствовед! Работала старшим научным сотрудником в самом Эрмитаже, и всю свою жизнь посвятила изучению творчества импрессионистов, в чем была непревзойденным и совершеннейшим экспертом.

– Только закончила педагогический. Я учитель математики и информатики. Послезавтра вручение дипломов и можно начинать самостоятельную жизнь, – беспечно говорила Света, а Ромка смотрел на нее во все глаза. И очень нравилось ему на нее смотреть. Высокая и стройная природная блондинка была хороша естественной женской красотой. Правильный овал лица, огромные и выразительные голубые глаза, слегка вздернутый носик и задорные ямочки на щеках. И при такой-то внешности совершенно никакой вычурности и эпатажной позы в поведении! Было такое впечатление, что она просто не осознает, насколько она привлекательна! Иначе не смогла бы сохранить этой потрясающей и завораживающей простоты и естественности.

Уже после двух часов общения, которые пролетели для них как один миг, он вдруг отчетливо понял, что это именно ТА девушка! Бабушка, конечно, святое дело, но это именно за Светкой он приехал в этот раз в Питер! Душа ликовала и летала в облаках, но он еще боялся поверить в свое везение и спугнуть, казавшееся таким близким, счастье. Прогуляли допоздна, он едва успел до разведения мостов. Прощаясь, обменялись телефонами и договорились о встрече на завтра. И так все четыре дня! Встречались утром и гуляли до самого вечера. И не было скучно, тягостно, неудобно. И каждая встреча – как открытие нового мира. Было полное совпадение вкусов и интересов, а если различия, то незначительные и вполне терпимые. Даже определяясь с меню в кафе, они были единодушны в выборе блюд. Но самый главный восторг вызвало то, что оба, по-детски страстно, любили мороженое! И не было вопросов о зарплате, квадратных метрах, московской и питерской прописке, дачах, машинах и сбережениях, о том, какие посты занимают родители. Говорили о музыке, спорте, путешествиях, походах, книгах. Они даже не спросили фамилию друг друга. Просто Рома и Света. И этого показалось достаточно.

О том, что его будущий тесть – большой военный чин, Роман узнал уже перед самой свадьбой, когда Валентин Егорович затеял с ним разговор о возможности изменения места службы.

– Может, останетесь здесь в Питере или хотя бы в Москве? Все не так далеко, – предложил тесть Ромке. – Одна она у нас с матерью. Ольга тосковать будет, – и выжидающе посмотрел на будущего зятя. И ждал его ответа, и боялся одновременно. Боялся ошибиться в нем.

– Нет, Валентин Егорович. Не сердитесь, но нет. Вы же сами человек военный и понимаете, приказ есть приказ. Я должен прибыть к месту службы. Да и негоже мне свою карьеру начинать с того, чтобы за спину тестя прятаться. Хочу, чтобы меня, как Вас, за мою службу, за дело уважали, а не за то, что выгодно женился. Не хочу я себя и Вас позорить. Тем более, что женюсь я на Светлане, а не на генерал-полковнике Скоробогатове. Я ведь и не знал, кто Вы, когда руки ее у Вас просил.

И боевой генерал удовлетворенно крякнул и пожал в знак одобрения руку молодому лейтенанту. И подумал про себя, что есть еще у него чутье на людей. Такой не сподличает, не опозорит. Не хлыщ и не выжига! Достойный парень! За короткое время подготовки к свадьбе он по своим каналам навел справки об этом Красноярове. Из училища и из части в Таджикистане получил о нем самые лестные отзывы: честный, умный, рассудительный, порядочный, ответственный и т. д. и т. п., как говорится. Семья приличная, родители оба архитекторы. С такой семьей не грех и породниться.

Свадьбу гуляли в Питере, торжественно и с размахом. Гостей было много. Из разных уголков Союза слетелись-съехались друзья и родственники старших и молодых. И все восхищались не столько широтой свадьбы, сколько красотой новобрачной пары. Когда люди любят и счастливы по-настоящему, они и красивы по-настоящему.

Провожали в Забайкалье молодых Краснояровых из Москвы. Краснояровы старшие пригласили сватов Скоробогатовых в гости. С первых дней знакомства все у них сложилось: приняли одна семья другую не формально, а по-настоящему, по-родственному, признали так сказать, и общались теперь с неподдельным удовольствием, узнавая друг друга и сближаясь все теснее.

– Смотри-ка, Светик, не только мы с тобой понравились друг другу. Глянь, как наши родители сошлись, вроде сто лет знают. Здорово, черт возьми! – улыбался Роман, а Светка счастливо жмурилась на солнце и прижималась к теплому боку мужа.

А дальше прибыли на заставу на юге Читинской области, на самой границе с Китаем, и начались пограничные будни. Роман служил, а Света устроилась учителем математики и информатики в сельскую школу в 12 километрах от заставы, куда возили и ребятишек военнослужащих погранотряда. И каждый день был счастьем, несмотря на холодную, малоснежную зиму и пронизывающий ветер, малометражную квартирку в офицерском восьми-квартирном доме без водопровода и центрального отопления. Что значат бытовые трудности по сравнению с тем, что любимый человек рядом?! И никогда ни слова о том, что оставила Питер, родителей, уютную квартиру и комфортный, обустроенный быт.

А через несколько месяцев Светлана, смущаясь и немножко волнуясь, объявила Роману:

– Готовься, Ромочка, мы скоро станем мамой и папой.

– Светик мой, Светлана! Я тебя люблю! – орал обалдевший старлей и кружил по комнате свою любимую. – У меня будет с-ы-ы-н! Продолжатель рода и наследник!

– Егоров! Ну, что ты там? Новости есть? – напряженным от волнения голосом вновь обращался Краснояров к телефонисту.

– Есть, товарищ старший лейтенант, – слегка замаявшись, ответил рядовой Егоров. – Дежурный врач доложил, что вертолетом час назад в Читу отправили.

– Что? Что случилось? – начал Ромка, и голос его осел, как будто внезапно кончился.

– Да, Вы не волнуйтесь, товарищ старший лейтенант, вроде, ничего страшного, – скороговоркой выпалил Егоров. – Вот, Вы лучше сами с врачом поговорите, он как раз на связи. Соединяю.

– Алло! Алло! – издалека раздался в трубке незнакомый мужской голос.

– Слушаю, старший лейтенант Краснояров, – по-военному представился Роман.

– Вот и слушайте! – приказал твердый голос. – Вы не паникуйте. Спокойно, ничего страшного, но мы решили перестраховаться. Она первородящая и плод достаточно крупный, а у нас как раз вертолет санавиации был, вот и решили не мешкать, а в область отправить. Да все нормально будет. Думаю, скоро уже поздравлять Вас можно будет, – заверил Ромку доктор. – Я все сам узнаю и Вам перезвоню. Держитесь! – и в трубке послышался сигнал отбоя.

– Вот это пряники! Как она там?! – волновался Ромка, меряя шагами небольшой кабинет и ероша жесткие волосы. – Бросить бы все, да бежать к ней, помочь, поддержать! Он готов был стоять под окном роддома столько, сколько нужно, несмотря на февральский мороз! Лишь бы быть в этот момент хоть чуточку ближе к ней, его любимой! Лишь бы она ощущала его присутствие и поддержку, и понимала, что они вместе!

Но, никуда не деться. Служба! До девяти утра, пока не примет дежурство сменяющий его командир, ни с места, хоть умри.

Он усилием воли заставил себя собраться с мыслями и окунуться в рабочий процесс.

И через четыре часа, наконец, раздался долгожданный звонок.

– Товарищ старший лейтенант, – голос Егорова привел старлея в чувство, – доктор на связи.

– Ну вот, как и обещал. В срок уложились, – довольно усмехаясь, произнес доктор. – Сего дня четырнадцатого февраля, ровно в двадцать три тридцать появился на свет младенец мужского пола, вес три восемьсот, рост пятьдесят три сантиметра. Мамаша и сын в порядке! С сыном Вас, товарищ старший лейтенант! Ура! – и весело добавил, – магарыч с тебя, старлей! А как сына-то назовешь? Может Валентином? А что?! Я тоже Валентин! Хорошее имя!

– И правда, Валентином можно назвать, – размышлял Роман. – Тесть очень доволен будет! Ведь получится, в честь него сына назовем. Да и Светланке тоже очень понравится эта идея! Решено, быть первенцу Валькой!

– Томка, ну То-о-м, пойдем, погуляем, – уговаривал девушку, стоя у полуоткрытой двери, высокий и плечистый парняга. – Хочешь, в кино сходим, а можно просто погулять.

– А чего просто так по улицам шляться? Лучше в кино, а можно в кафешку сходить. Или денег нет? – блеснула озорными глазами румяная пышная булочка.

– Нет-нет, Томка, деньги есть. Я ведь аванс получил, – поспешно заверил ее парень, и неловко вытащил из кармана брюк несколько смятых денежных купюр.

Она смотрела на зажатые в кулаке деньги и думала о том, что раз деньги есть, значит, он самостоятельный, не пьянь какая. А он во все глаза смотрел на нее. И представлялась она ему именно хрустящей, румяной булочкой, которые часто пекла его мать. Девушка и вправду была хороша. Невысокого роста, узкая в кости, но с хорошими женскими формами. Вся такая чистенькая и вкусно пахнущая. Одно слово – свежая сдобная булочка. Он уже давно посматривал на нее, но вот так подойти и позвать погулять отважился впервые. Вокруг нее всегда вилось много кавалеров, но строгая Томка никого и близко к себе не подпускала. Еще тогда, давно, в детдомовском детстве, после ужасающих разговоров со старшими подружками об отношениях мужчин и женщин, она решила для себя, что сначала штамп в паспорте, а потом все остальное. Нахлебавшись досыта сиротской детдомовской жизни, она всем сердцем желала себе семьи, в которой будет все, как у людей: дом, муж, родители мужа, которых она будет почитать и уважать, как своих, потому что своих-то вовсе не было. Ну и, конечно, потом и дети будут. И не просто мечтала. Она, как могла, стремилась к этой жизни. В школе особыми успе-

хами в науках не блистала, зато по домоводству всегда была пятерка с плюсом. Сварить, испечь, связать для нее было в удовольствие. Но больше всего душа лежала к шитью. За неспешным занятием можно было погружаться в свои мысли и мечтать, мечтать...

После окончания школы и выпуска из детдома выбор у выпускников невелик. В основном, разного рода ГПТУ. Как хорошо, что представившаяся возможность совпала с ее желанием. Она нашла свое призвание и была счастлива, поступив в швейное училище. Модельерского таланта сначала, конечно, не было, но трудолюбие и тщательность в работе сделали ее вскоре одной из лучших мастериц ателье, в которое она пришла работать после окончания училища.

Вопрос с жильем решился на редкость «удачно». Попала она на прием в райисполком к толстому лысоватому дяденьке, который сердечно объяснил ей, что лучше написать отказ от квартиры, которая ей, как сироте, полагается по закону, но неизвестно когда будет выделена, и получить комнату с подселением в трехкомнатной благоустроенной квартире. Сразу! Слукавил дяденька, что квартирка нужна ему самому, для своих нужд. Но Тamarочка была так счастлива тем, что у нее будет своя комната, считай свое жилье, что и не удосужилась заподозрить «доброе» дяденьку в лукавстве. Согласилась, получила ордер на вселение, постепенно свила свое гнездышко на восемнадцати метрах и была на седьмом небе от счастья. Одно огорчало, никак не воплощалась в действительность ее мечта о своей семье, о муже. Всех, кто пытался ухаживать за ней, осторожная Томочка почему-то подозревала в дурных намерениях, и давала им от ворот поворот. А тут вдруг нарисовался этот смешной увалень по имени Славик. Вроде добрый, вроде не наглый, не пристаёт с разными глупостями, работает шофером, в пьянстве не замечен, армию уже отслужил. А главное, у него есть семья, мать и отец, да еще дом с огородами и хозяйством. И решилась Тамара попытать счастья, выбрав в женихи Славика Чернецова. После нескольких целомудренных встреч Славик, смущаясь и потев, сделал ей предложение руки и сердца. И она согласилась без колебаний. Не знала бедная девочка, что в зажиточном доме не хотят видеть невестку-сироту, что мать устроила настоящую бурю с сердечным приступом и резко пахнущими лекарствами в знак протеста против будущей невестки.

Но Славик проявил неожиданное упрямство и сказал, как отрезал, – Если не примете Томку, уйду к ней в комнату. Совсем!

Пришлось мамаше сделать вид, что согласна на все. Но, даже еще не познакомившись с невесткой, затаила на нее лютую злобу за то, что та отнимает единственного и любимого сыночка. Не такую судьбу рисовала она сыну в своем воображении. И невеста у нее уже была на примете: соседская девушка, из хорошей, зажиточной семьи. А тут – голь перекатная, без роду без племени, детдомовка какая-то!

Свадьба была похожа просто на большую гулянку: только родня жениха, хотя, довольно многочисленная. О том, что невеста может позвать своих подружек, и речи не было. Все тосты и поздравления были адресованы, в основном, жениху. Его расхваливали наперебой, поглядывая в сторону мамыши, угодили ли словами о сыночке. Невеста была просто необходимым для свадьбы атрибутом. Но Тamarочка, несмотря ни на что, была ослепительно хороша в, сшитом собственноручно, красивом белом платье. А может быть еще и потому, что лучилось счастьем ее хорошенькое личико, да то и дело слышался заразительный смех. Она порхала, как белая птица, успевая на своей же свадьбе помогать свекрови и тетушкам обслуживать гостей. Ее сердечко переполняла радость оттого, что и у нее теперь есть семья и большая родня. Она готова была всем угодить и услужить. И совсем не замечала Тamarочка, как нет-нет, да и взглянет на нее недобрым взглядом свекровь.

- Доброе утро, мама, – обратилась невестка к свекрови в первый день после свадьбы.
- Какая я тебе мама?! – сверкнула глазами свекровь.
- А как же мне Вас называть? Тетя Дуся? – недоуменно вскинула брови Тома.

– Какая я тебе тетя?! Ишь, племянница нашлась! – пробурчала свекровь. – Зови меня Евдокия Петровна.

И жалось сердце девушки в предчувствии тяжелой жизни в доме мужа. Но она тут же урезонила себя:

– Ничего. Я постараюсь, и она меня полюбит. Пройдет время, она поймет, что я для Славика – хорошая жена. И в доме буду хорошей хозяйкой.

Только могла ли она предположить, что эта женщина, которую она готова была полюбить, как родную мать, отвергает ее всем сердцем?! А уж видеть хозяйкой в своем доме эту «пришлую напасть» она и вовсе не намерена!

И начался вселенский ужас, именуемый семейной жизнью. В принципе, Славик был неплохим, покладистым парнем. К тому же воспитан был матерью в строгости, и ни к каким глупостям, табаку или водочке, пристрастия не имел. И Томочка готова была колдовать над своим семейным счастьем каждую минуту. Всеми возможными способами она добивалась расположения мужа, стремилась создать их собственный мирок на двоих. И все бы могло получиться, сложиться, склеиться. Но... Евдокия Петровна не дремала. Казалось, она поставила целью своей жизни разлучить их, развести и выжить ненавистную невестку, сделав ее виноватой во всех смертных грехах.

– Неумеха, неряха, лентяйка, засоня, руки не оттуда растут, на чужое добро зарится, грубиянка зубатая! – Вот далеко не полный перечень «лестных» слов, которые каждый день слышал сын от матери в адрес молодой жены.

– А у меня давление, сердце, ноги и руки больные, спина не разгибается, – скорбно выговаривала каждый раз мамаша, когда сын возвращался с работы. – Давеча с боем заставила ее постирать тебе, так все самой перестирывать пришлось. Навозила кое-как, а ты ведь у меня аккуратист. Какой с нее спрос? Детдомовская! Им в прачке стирали, вот и не умеет. А главное, не хочет учиться, стараться ради мужа. Может, не любит?

– Заставила обед готовить, так все свиньям пришлось вылить, есть нельзя. Только продукты переводит. Пришлось самой обед стряпать. Конечно, детдомовская, кто же ее учил готовить, – тяжело вздыхала свекровь, уплетая за обе щеки плов, приготовленный перед рабочей сменой Томочкой. – Нас с батькой не почитает. Что начну подсказывать, огрызается, матом посылает. Говорит, что взашей нас с отцом скоро отсюда попрут, – жаловалась сынку мамаша, поджимая губы куриной гузкой и собирая горькие слезы в мокрый платочек. – Только ты, сынок, ей не говори ничего, что я тебе жалилась. Она грозилась, что еще хуже будет, если тебе пожалюсь, – добавляла масла в огонь Евдокия Петровна, а сама пытливо наблюдала, какое действие возымели на сына ее слова.

И Славик, в первые дни совместной жизни с Тамарой такой счастливый и радостный, как все молодожены, постепенно становился мрачным и молчаливым. Через некоторое время родители и Тамара с удивлением обнаружили, что их Славик вдруг закурил, а еще без особого повода, ведь раньше только по праздникам, стал прикладываться к спиртному. Томочка пушистой кошкой ластилась к мужу, а он не видел в этом ничего, кроме желания охмурить его, подкрасться поближе и цапнуть побольнее. Мудрая мамаша подсказала, что женщины так делают только для того, чтобы добиться своего. А Томочка, между тем, стараясь не замечать проявлений тайной войны, объявленной ей свекровью, изо всех сил стремилась создать то, что называется таким заманчивым словом семья. Шустрая и умелая, она все успевала. И убраться в доме, и перестирать-перегладить себе, мужу и свекрови со свекром. Варила-жарила, стряпала-пекла. И каждый раз, когда семья садилась за стол, она молчаливо ждала, что хоть кто-нибудь похвалит ее за мастерски приготовленную еду. Но свекор, видимо, был вообще глухим, или онемел в процессе жизни с этой Бабой Ягой. За все время совместного проживания Тома едва ли слышала от него и пару слов. Свекровь можно было пытаться каленым железом,

она все равно ни за что не сказала бы добрых слов невестке. А муж, каждый раз вставая из-за стола, неизменно говорил: «Спасибо, мама. Вкусно», – и укоризненно смотрел в сторону жены.

Сразу после свадьбы он был нежным и пылким. Что и говорить, молодой мужчина. И Томочка была удивлена тем, что, оказывается, это приятно, когда он, жаркий и страстный, искал любую возможность, чтобы остаться с ней наедине. Но костер любви оказался недолговечным. Не потому ли, что свекровь, едва разгоравшееся пламя, успевала полить холодной водой? После первого месяца совместной жизни свекровь сначала начала намекать, а потом и в открытую говорить о внуках. Она бесцеремонно заявляла, что семья без детей, это вовсе не семья, что жена, которая не может родить, как яловая корова, годится только на мясо. Что, если женщина не беременеет, значит, она бракованная. Томочка ужасно смущалась и чувствовала себя виноватой. А Славик мрачнел, как туча, и все больше уходил в себя. Сначала он так спешил домой, чтобы скорее увидеть свою Томку, а если она работает во вторую смену, то и встретить ее успеть.

– Нечего ее поважать. Не барыня, сама доберется. Украдут что ли? Кому она нужна? А ты устал после работы, лучше отдохни, – настраивала мать.

Вскоре, благой порыв встречать жену с работы тихо сошел на нет.

С первых дней семейной жизни Славик все заработанные деньги стал отдавать жене, как и в его семье заведено было. Но это никак не устраивало мать. Контроль над деньгами – контроль над всей семьей

– Сынок, она деньги, твоим тяжким трудом заработанные, транжирит. Покупает себе всякую дребедень. Глянь в ее комод. Там помады, румяны, да духи разные. Нешто пристало замужней женщине румяниться да помадиться? Может, есть у нее кто? – травила сына Евдокия.

Славик с такой силой дернул ящик комода, что он выпал из пазов, и все содержимое вывалилось на пол. Действительно, на полу лежали рассыпавшаяся коробочка сухих румян, два потертых тюбика помады и, чудом не разбившийся, флакон духов «Красная Москва». Кровь бросилась ему в лицо. И не осталось в голове ничего, кроме слепой ярости. Даже не удосужился взглянуть, что все это столетней давности. Видимо, осталось с тех времен, когда мать сама в девках была.

– Если гуляет, убью суку! – побелевшими губами выдавил из себя Славик.

Как, оказывается, просто разбудить в мужчине ревность! Достаточно, даже вскользь, бросить, что-де твоя жена тебе изменяет, и все. Готово дело! Брошенная искра обязательно, если не сразу, то со временем, разгорится в бушующее пламя, которое унять потом почти невозможно. Да еще, если это скажет человек, которому он безгранично верит! И мамаша мысленно потеряла руки. Если такими темпами будет дело продвигаться, недолго ей еще терпеть в своем доме ненавистную невестку.

Тамара возвращалась после вечерей смены. В последнее время она все чаще размышляла над тем, что в ее семейной жизни все не ладится. Томочка прожила в детском доме все детство и юность. А там, как известно, свои порядки. Это только в книжках пишут да в кино показывают, что педагоги там, как родные мамы, а воспитанники все дружны, как братья и сестры. Ничего подобного. Там, как на зоне, есть жесткое правило и принцип жизни: «Не верь! Не бойся! Не проси!» Там каждый сам за себя. Поэтому и не было у Томочки привычки, обсуждать свои дела, неважно, хорошие или плохие, с кем-либо посторонним, да еще и совета просить. Ведь надеяться в этой жизни можно только на себя. Когда прошла первая эйфория от того, что попала в дом и в семью, неглупая от природы Томочка все-таки вынуждена была признать, что не все так радужно, как ей представлялось. Свекровь оказалась, чего уж там скрывать, змеей ядовитой, свекор – пень немой, а сынок – телок на веревочке. Только веревочка так и осталась в руках его мамаша. И прибрать эту веревочку к своим рукам пока

не представлялось возможным. Любила ли она его?! Она над этим даже не задумывалась. Просто, ей так хотелось свою семью. Вот и вышла замуж. Он показался ей таким покладистым и добродушным! Грешным делом, Томочка подумала тогда, что при умелом руководстве мужем, она сможет быть с ним счастлива. И даже, как будто, получалось в первое время. Но Гюрза, как окрестила Тома свою свекровь, только прикинулась мертвой, вдруг ожила, и начала жалить со всех сторон. Тамара понимала, что обсуждать это с мужем бессмысленно, что только настроит его против себя, жалуясь на несправедливость свекрови. Они – мать и сын, а она – посторонняя женщина, которая все пытается перестроить на свой лад. Пришлось заставить себя не обращать внимания на происки Гюрзы и молчать, молчать. Она еще не теряла надежды, что сможет обратить мужа в свою веру. Недаром говорят, что ночная кукушка дневную все равно перекукует. Только куковать в последнее время ей все чаще приходилось одной. Муж практически перестал искать с ней близости, был мрачен и задумчив.

Повернув в переулочек, Тамара вдруг заметила огонек возле дома свекрови. И трепыхнулось сердце: неужто, Славик вышел встретить?! Может, одумался и снова все будет хорошо? Она прибавила шагу и оставшиеся пятьдесят метров не прошла, нет, пролетела как на крыльях.

– Славик, родной! Ты **меня** вышел встретить? – волнуясь, спросила Тома, и приблизилась, чтобы припасть к груди мужа.

– Тебя, – хрипло ответил муж, и коротко ткнул ее кулаком в лицо.

Такого фейерверка Томочке видеть еще не приходилось. В глазах мелькали цветные брызги, а левая половина лица наливалась болью и свинцовой тяжестью.

– Что это? За что? – в растерянности и недоумении прошептала Томочка.

– Сейчас объясню, – грозно прошипел муж и, грубо схватив жену за руку, буквально поволок во двор и дальше в дом.

Она была сбита с толку, да еще так болело лицо, что сопротивляться у нее просто не было сил. Втащив Тамару в дом, он поволок ее прямо в их комнату, где в беспорядке на полу так и валялись злополучные «улики».

– Что это? – прошипел Славик.

– Откуда мне знать, – растерянно ответила Тома, – это не мое.

– Не твое, говоришь? – и снова резко наотмашь ударил ее по лицу.

– И любовника, говоришь, у тебя нет?! – уже ревел, как раненый зверь, Славик.

– Да ты что, спятил? Какой любовник? – заревела Томка в голос. Она, наконец, поняла, в чем обвиняет ее муж. Но только за что?! Ведь ничего дурного она не сделала!

– Вот видишь, сынок, еще и врет нагло, и отказывается. Не мое! А чье же? Кто красится-помадится у нас в дому? Я что ли? Поучи ее, сынок, уму-разуму, чтобы не врала мужу и свекрови в глаза, – подначивала мать сына. Видимо, вид несчастной, с разбитым лицом невестки, доставлял ей удовольствие.

Лежа на полу, Тамара тихонько плакала. Никто не бросился ей на помощь, чтобы защитить от тяжелой руки мужа, никто не утешил добрым словом. Ждать помощи было неоткуда. А Славик, тем временем, войдя в роль грозного мужа, продолжал кипятироваться:

– Ишь, волю взяла! Мамане не помогаешь, грубишь, да еще и деньги, мною заработанные, на ветер пускать взялась. Румяны-помады! Я тебе покажу! Для кого малевалась?! Отвечай! – орал Славик и пинал, лежавшую на полу жену.

– Славик, опомнись! С чего ты взял, что у меня кто-то есть? Я ведь никуда даже не хожу. Работа – дом – работа. Вот и все мои прогулки, – пыталась утихомирить разъяренного мужа Тома.

Видимо, устав от пережитых эмоций, Славик уселся на стул и, глядя сверху вниз на поверженную жену, объявил ей свое решение:

– Отныне мамаша мне все будет докладывать, во сколько ушла-пришла, куда ходила, что делала. Я тебе бездельничать да на мамаше ездить не позволю.

Тамара, хоть и не согласна была с тем, что она бездельница, хоть и хотелось ей сказать, что это мамаша буквально ездит на ней, возражать не решилась, а только согласно кивала. Важно было, чтобы буря утихла, чтобы не вздумал он еще раз броситься на нее с кулаками.

– А с деньгами решу так. Я теперь все свои деньги снова мамаше отдавать стану. И ты тоже всю свою зарплату будешь ей отдавать. А что нам надо будет купить, так мамаша нам выдавать станет.

Вот это он напрасно сказал! Перебор вышел. Всякому терпению наступает конец! Куда девалась вся рабская покорность, страх перед наказанием и побоями?! Сейчас с ней произошло то, что пару раз случалось в детдоме. Она была очень терпелива и покорна, пока можно было терпеть. Но, как только чаша терпения переполнялась или что-то задевало совсем уж за живое, тут уж, как говорится, «кто не спрятался, я не виновата». Теперь ее можно было только убить, она все равно от своего не отступится! Уж что-что, а защищать себя от прямого нападения собачья жизнь ее научила. Она могла и словами отхлестать, а могла и в драку броситься, и биться до последнего, и рвать врага зубами и ногтями, не испытывая страха даже за собственную жизнь. Было в детдоме два подобных случая, после которых даже самые отчаянные забияки перестали задирать Тамару, прозвав ее Бешеная.

– Это какой такой мамаше?! Этой Гюрзе что ли? – поднявшись во весь рост и уперев руки в боки, угрожающе спросила Томка, и, показав неприличный жест, добавила, – Вот вам! Выкуси вместе со своей мамашей! Она мне жизнь загубила, а я, значит, еще за это ей и заплатить должна? Вот хрен вы угадали!

От такой неслыханной дерзости онемели все: и Славик, и Евдокия. А Тома, вытерев кровь с лица и поправив растрепавшиеся волосы, бросила, направляясь к выходу:

– Ты со своей мамашей можешь поступать, как знаешь, а я умываю руки. Хватит, натерпелась! Пожила Золушкой в вашем доме, пора и честь знать. У меня и свое жилье есть! За вещами после приду. Счастливо оставаться!

Но переступить порог она не успела. В два прыжка настигнув жену у самого выхода из комнаты, он сгреб ее в охапку и принялся месить, как боксерскую грушу. Остановил этот приступ безумия, вошедший в дом с улицы и вовремя вмешавшийся, отец.

– Ну, будет, будет тебе! Еще до смерти забьешь! Хватит! Остынь! – увещевал он сына, обхватив железными объятиями.

Тамарочка, как истрепанная кукла, окровавленная и в разорванной одежде, лежала на полу без сознания.

– Гляди, что наделал! Не до смерти ли забил? А ты что, чувырла старая смотришь? Добилась своего? Теперь вместе за убийство в тюрьму пойдете! У, злодеи! Какую девку извели! – с горечью бросил вечно молчаливый отец и еще раз, для верности, встряхнув сына, отшвырнул его в сторону.

И как будто пелена спала с глаз ревнивца. Он вдруг с ужасом увидел, что Тамарочка лежит без движений и, похоже, не дышит. Он бросился на колени перед ней, стал щупать пульс, искать признаки жизни в бездыханном теле и причитал как кликуша:

– Господи, что же я наделал? Неужели я убил ее? Томочка, открой глазки, любимая моя! Прости меня, Томочка! Я с ума сошел от ревности! Мама, неси воду, вызывай скорую!

Мамаша, понятное дело, тоже струхнула. Но только не из-за того, что Томку убили. Главное, что сынок замешан! Неужели и вправду в тюрьму из-за этой стервы сядет? Забыв про больные руки и ноги, она скоренько притащила ведро с водой и стала тщательно замывать следы крови на полу.

– Ты что, мама? Рехнулась что ли? – заорал на нее сынок. – Я тебе сказал для Тома воды принести, а ты с полами занялась! Воды мне дай, может в чувство удастся привести!

– Так ведь, сынок, надо полы замыть! Если милиция придет, скажем, что такая пришла, что, мол, по дороге избили! – предложила свою версию мамаша.

– Эх, мама! – с горечью произнес Славик, – Ей совсем плохо, может, я ее убил! А тебе, похоже, хоть бы хны.

– Твоя правда, сынок. Не за нее, за тебя сейчас переживаю, – отрезала Евдокия Петровна. – Не ровен час, нагрянут, а тут мы во всей красе. Брось ее, руки иди вымой, да переоденься. Одежду в печь кинь, хорошо, что топится. Пусть горит, новое справим, – четко отдавала распоряжения мать.

Но Славик сбегал на кухню за водой и чистым полотенцем, обмыл кровь с лица и рук жены, брызгал ей в лицо и пытался привести ее в чувство. И, когда Томочка слабо застонала, он обнял ее и с облегчением выдохнул:

– Слава богу! Жива! Остальное ерунда!

Он подхватил ее на руки и унес в их спальню. Раздел, уложил в постель. Убежал на кухню, перевернул мамашину коробку с лекарствами, нашел успокоительное и обезболивающее. Вернувшись, аккуратно напоил жену лекарствами. Она как раз уже пришла в себя и затравленным взглядом смотрела на мужа.

– Томочка, прости меня дурака! Прямо как будто озверину напился. Да еще мамаша подзудила, вот я и не сдержался. Томочка, прости, я с тебя теперь пылинки сдувать буду! А хочешь, давай, и вправду уйдем к тебе в комнату, и сами жить будем, раз тебе здесь плохо. Я больше мамашу слушать не буду. Я только сейчас понял, не любит она тебя, наговаривает, меня злит, чтобы я тебя обижал. Прости, родная, – каялся и клялся Славик.

И Томочка почему-то поверила его искренним словам и сказала:

– Если, правда, уйдем вместе, то я тебя прощаю. Я ведь тебе не изменяю, Славик. Зачем она так? – Томочка снова тихо заплакала, а он баюкал ее, как маленького ребенка, целовал в висок и клялся, что больше никогда не обидит.

Наутро у мамашы был снова сердечный приступ и слезы ручьем, уговоры и клятвы не перечить больше никогда, и обещания любить невестку, как родную дочь, а потом страшные проклятия в адрес несчастной девочки. Но Славик и глазом не моргнул, собрал свои и Томкины вещи и тихо вышел их родительского дома, уводя за руку свою жену. Отец не проронил ни слова, но мысленно благословил сына на самостоятельную и спокойную жизнь.

– Сам со змеей жизнь прожил, так пусть хоть сын нормально поживет, – думал про себя отец. – Совсем девку замордовала, ведьма. А девчонка-то, хорошая какая.

Вот, вроде бы и жизнь наладилась. Пусть не шикарный дом, а комната, но все свое. Никто не шипит в спину, не зыркает ненавидящими глазами. Сама себе хозяйка, и неплохая совсем. Славик с удивлением обнаружил, что жена – чистюля, мастерица. А готовит как! Пальчики оближешь! А еще он вновь услышал ее залиvistый смех и звонкий, чистый голос, когда Томочка пела, хлопоча по дому. И вновь вернулись жаркие ночи, и желание спешить домой после работы. Руки у Славика были золотые. Как в народе говорят: «У него две руки, и обе правые». С удовольствием мастерил, прилаживал, благоустраивал домашний быт. И небольшая комната стала настоящим уютным семейным гнездышком, где все на месте и при деле. Все делали сообща, и от того, что все ладилось, оба получали настоящее удовольствие. И решения все принимали совместно, и бюджетом семейным руководили умело. Поэтому и деньги появились на серьезные покупки для дома. И холодильник, и телевизор, и стиральную машину купили. Сколько радости и гордости испытали, что все сами заработали и приобрели. На Славика было любо-дорого посмотреть. Начищенный, наглаженный! А сколько обновок сшила и связала любимому супругу умелица-жена! От соседок только и было слышно вслед: «Ай да Тamarочка! Муж у нее, как новенький целковый, прямо сияет весь!» Только нет-нет, да и вспоминал Славик о родительском доме, о матери, к которой был все-таки так привязан. Сначала думал, что не простит никогда, но время, как известно, лечит любые раны. Шли-текли денечки, и все уже не казалось таким страшным и угрожающим, каким было в тот ужасный вечер. Через

соседей, тайком от жены, узнавал о матери и отце, но навестить не решался. А мать все норовила подкараулить его, возвращавшегося с работы. Смотрела из-за угла, чтобы только одним глазком взглянуть на сыночка. Тосковала сильно. И от этого ненавидела невестку еще больше, несмотря на то, что и ей было очевидно, что сынок сыт и ухожен, и выглядит вполне довольным жизнью. Однажды он все-таки увидел ее и не смог не подойти.

– Мама, ты что здесь делаешь? – спросил сын и смутился сразу, так как дураку понятно, что может делать мать у его дома, ведь столько не виделись.

И она материнским нутром уловила-учуяла, что нет уже у сына той злости и обиды на нее, и обрадовалась безмерно.

– Сыночек мой, Славик, – заплакала мать и припала к его груди.

– Мам, ну не надо, мам. Ведь хорошо все у меня, – забасил Славик и приобнял мать. – Как ты сама-то? Давно не видел.

– Как мне может быть без тебя, сынок? Скучаю, тоскую, все слезы выплакала, – запричитала Евдокия Петровна и залилась слезами. – Может, вернешься домой?

– Нет, мам. Мы с Томой здесь жить будем. Ты ее не примешь, да и она не пойдет, а я не пойду без нее. Не сердись и прости меня, – попросил сын, не глядя ей в глаза.

– Ладно, сынок, ладно. Неволить не стану, – сразу отступила Евдокия Петровна, чтобы не настраивать сына против себя. – Прости ты меня, дуру старую. Неправа была. Грех на мне. А когда внучком-то порадуете? Скоро ли?

– Не знаю, мам, почему-то не получается, – ответил сын и опустил глаза, как в детстве, когда случалось ему провиниться.

Этот разговор был ему явно неприятен. Потому как сам часто задумывался над этим, почему живут вроде исправно, а ничего не получается. С тех самых пор гвоздем засели в голове слова матери, что если женщина не беременеет, живя при муже, значит – бракованная. Гнал от себя эти мысли и не хотел так думать о Тамаре, но дурные мысли сами выбирают, в какой голове поселиться. А так хотелось ребеночка, лучше мальчика, конечно, чтобы все, как у людей, чтоб семья настоящая была.

И промолчала Евдокия Петровна, но тут же в ее голове созрела мысль, что именно это может стать поводом для их новой ссоры и развода. Не попускалась «добрая свекровь», все хотела невестку изгнать из своей жизни, а сына вернуть к себе.

Прошло еще некоторое время, и сын вдруг самолично появился в родительском доме.

– Мам, а я к тебе с радостью, – с порога начал Славик, – Томка беременная! Будет и у меня наследник!

И захолонуло сердце! Неужели не суждено сбыться ее планам?! Неужели эта детдомовка пересилила ее?!

– Садись, сынок, к столу! Радость-то какая! Отметить надо! – запела мать, быстренько накрывая стол. И, что уж совсем было против ее правил, поставила на стол графинчик с водочкой. А когда, уже подвыпивший, Славик блаженно развалился за столом, мать исподволь начала вить свою канитель:

– Славик, а она у тебя не гуляет? Нет, я плохого про нее ничего не хочу сказать, но на днях Нина Степановна Казыкина, соседка наша, сказывала, что видела Томку у магазина с каким-то мужчиной. И веселая она была, и довольная! И смеялась, и глазами стреляла, как будто любезничала с ним, – доложила «факты» сыну мать, и сразу примолкла, вглядываясь в его лицо. – И чего это вдруг? Два года ничего, а тут вдруг тяжелая стала? Как бы в дураках тебе не остаться. Будешь чужого растить!

Известное дело, от осинки не родятся апельсинки, и яблоко от яблони недалеко падает. И еще черт знает что! Как ни крути, а был он сыном своей матери, настроен с ней на одну волну. Вперемежку с радостью бродили такие мысли и в голове Славика! И никак он не мог уразуметь, как это так, то столько времени ничего, а тут вдруг раз и в яблочко!

Расслабился Славик за время спокойной жизни, и вновь не усмотрел угрозу своему счастью в словах и мыслях матери. Оказывается, те же самые грабли стояли на том же самом месте и только его и дожидались! Он посмотрел на мать тяжелым взглядом, налил водки в стакан и, не раздумывая, опрокинул ее в рот. Пил как воду, не морщась, не чувствуя вкуса опаляющей жидкости.

– Если нагуляла, если не мой ребенок, убью суку! – мрачно изрек Славик.

Да! Водочка – самая лучшая закваска для дурных мыслей и необратимых поступков. И Евдокия Петровна испугалась не на шутку. Один раз она уже видела сына в ярости. Нет! Не этого она хотела! Она хотела, чтобы сынок тихо расстался с детдомовкой и женился на Таньке, дочке Нины Казыкиной, которая очень нравилась Евдокии. Да и семья зажиточная, не то, что Томка, горемыка безродная. А тут, вишь, как дело может обернуться. Так и до тюрьмы недалеко.

– Ты не дури, сынок. Остынь! Мало ли, что люди скажут. Сначала сам проверь, а потом уже решай, как быть, – успокаивала и наставляла сына Евдокия Петровна. – Только руками не маши, а то ведь и свою жизнь сгубить можно. Помнишь, как ты ее метелил, насилиу батька отобрал. А я ведь еще тогда тебе говорила, что не пара она тебе, лучше бы на Таньке женился. А ты мать бросил, и бежать за этой, прости господи, – всхлипнула мамаша.

Но Славик уже не слушал ее рассуждений о перспективах новой женитьбы на соседской Таньке. В его груди полыхал пожар ревности и ярости, требовавший немедленного выхода наружу.

Домой Славик вернулся намного позже обычного и изрядно выпивший.

– Славик, ты где потерялся? Мы с малышом уже тебя заждались, – кинулась к мужу, ничего не подозревающая, Тamarочка.

– Отстань, – грубо оттолкнул жену Славик.

Взглянув в недоброе лицо мужа, Тamarочка сразу поняла, откуда ветер подул, но не стала связываться с пьяным Славиком. Отошла тихонько и присела у стола.

– Что молчишь? – истолковав по-своему ее покорное молчание, заводился Славик, – Знаешь, кошка, чье мясо съела?

– Ты о чем это, Славик? – недоуменно вскинув брови, спросила Тамара.

– А-а-а, ты еще прикидываться будешь! – сверкая глазами, заорал муж, и распрямившейся пружиной кинулся к Тамаре. – Говори, от кого вы...ка нагуляла!

И уже замахнулся на нее, но в этот миг Тамара, движимая инстинктом самосохранения, схватила большие и острые портновские ножницы, и волчицей ощерилась на мужа:

– Не подходи! Запорю! Пошел вон к своей мамаше! Знаю, с чьего голоса поешь! Не унижается, сука старая! Мало она моей крови выпила! – орала Томка, а слезы струями били из глаз, так ей жалко было себя, маленького и своей, казалось бы, наладившейся и в один миг снова рухнувшей жизни.

Этот ее отчаянный жест сразу отрезвил Славика. Кому же охота на ножницы налететь. Пьяный-пьяный, а сообразил, что Томка рискованная, и не задумается, пырнет. Отступил и направился к двери.

– Ладно, потом поговорим, – зло процедил муж. – Только знай, что я тебе не дурак, чужого ребенка кормить-воспитывать! Сама выкручивайся. Я на развод подаю, – и вышел, громко хлопнув дверью.

Вот и закончилось то, что она хранила и берегла, как умела, и называла семьей и счастьем. Раз, и все! Так просто! Тamarочка без сил сидела на полу и негромко плакала, нет, скорее скулила, как маленький щенок, выброшенный жестокосердными хозяевами на мороз. В один миг рухнуло то, что так тщательно и с любовью выстраивала она в своей семейной жизни.

Когда узнала, что беременна, радости не было предела. Первым делом сообщила мужу и разрешила рассказать свекрови, чтоб та не думала, что она бракованная, что плохую жену себе сын выбрал. Даже закралась в голову робкая мысль, что свекровь нужно простить и семью восстановить, чтобы у ребенка были не только папа и мама, но и бабушка с дедушкой, и тетки-дядя, и братья—сестры. Мечты о большой и дружной семье так и не давали покоя детдомовской девочке, пережившей мрачный ужас одиночества и собственной ненужности. Так хотелось, чтобы всех было много, чтобы все любили друг друга и жили в радости и согласии. Оказывается, у свекрови на это счет было собственное мнение, которое она так и не захотела изменить после той памятной ссоры и разрыва.

– Ну, что ж, Евдокия Петровна! – думала про себя Тamarочка. – Ты свой выбор сделала! С мужем я все равно помирюсь. Он мой и никуда не денется. Но отныне ни Славку не пущу к тебе, даже на минутку не дам увидеться, а внука и подавно не увидишь, даже не узнаешь, как он выглядит, – продумывала план мести свекрови зареванная Тamarочка.

Через неделю протрезвевший и виноватый Славик вновь стоял перед Тamarой на коленях, умоляя простить и принять назад. Так и повелось с тех пор. Он периодически пил и бурно жалел себя, обманутого коварной женой. Он даже пытался распускать руки, но Тaмaрa, наученная горьким опытом, всегда была начеку и давала мужу достойный отпор. Ссора заканчивалась изгнанием тирана, вышвыриванием вещей мужа и кратковременным затишьем. А потом опять все, как заезженная пластинка, начиналось сначала. Соседи по квартире сначала участвовали в семейных разборках. Они то унимали и стыдили пьяного Славика, то помогали вытолкать его взашей из квартиры, но потом устали и они. И Тaмaрa осталась со своей неудавшейся жизнью один на один. Каждый раз она клялась и божилась, что не пустит больше на порог эту пьянь, то вдруг снова жалела его и принимала назад, все-таки надеясь на то, что однажды он прозреет и поймет, что он сделал с их жизнью. А еще она надеялась на то, что родится ребенок, и Славик признает его своим и перестанет валять дурака, снова станет заботливым и надежным. Он же все чаще и чаще думал только об одном: где взять денег на очередное похмелье. На работе начались неприятности. Сняли с машины и перевели из шоферов в автослесари. Кто же доверит управление машиной пьющему водителю?! Последний сдерживающий фактор отпал сам собой. Теперь уже ничто не мешало принимать «лекарство», когда этого просила, измученная страшными подозрениями, душа. А она просила все чаще и все больше. После домашних баталий, пьяный и со скудными пожитками в руках, он появлялся на пороге родительского дома. Евдокия Петровна, сначала так обрадовавшаяся тому, что ее план удался, принимала сына в распростертые материнские объятия и наивно полагала, что все будет по-прежнему. Но сын пил все чаще, и все чаще появлялся у матери в непотребном виде. Она уже не сочувствовала ему, а все чаще стала ругать его, а то и вовсе прогонять в тепляк. Не подумала мамаша, что раздор с женой и графинчик с водочкой, «для разговору по душам», обернется такой бедой. Теперь и сама уже была не рада, но жизнь не киноплёнка, обратно не отмотаешь и снова не переснимешь.

Тamarочка от этой нервной жизни вся издергалась. Она похудела, подурнела, часто плакала. Ни посоветоваться не с кем, ни даже просто поплакаться на свою неудавшуюся жизнь. Родителей и родных не было, подруг не завела. Муж – пьяница, свекор – подкаблучник, а свекровь была враг номер один. Соседи сочувствовали, помогали, чем могли. Но у них своя жизнь, и своих забот полон рот. Даже долгожданная беременность не радовала, а только пугала предстоящими трудностями. Известное дело, непросто растить ребенка одной. А такой муж, как Славик, не только не помощник, но еще и обуза страшная. Так что, приходилось рассчитывать только на себя. Вот такой грустный расклад получился.

Славик с утра толкался возле пивного ларька. Февраль, черт его дери, выдался холодным и ветреным. Замерз, как собака, но поста своего не покидал. Еще теплилась в душе надежда, что кто-то из своих же алконавтов вдруг появится и плеснет «лекарства».

– Вот он, голубчик! А где же ему еще быть!? – услышал Славик за спиной голос соседки Галины. – Ирод! Опять, поди, уже набрался!

– Ничего я не набрался, не на что, – неохотно ответил Славик. Был он почти трезв, а потому так вяло отреагировал на нападки соседки. – Чё орешь?

– Вот и хорошо, что не успел, – миролюбиво сказала Галина. – Беги домой скорее, себя в порядок приведи, да в роддом чеши. Тamarку твою рожать увезли, папаша!

– А ведь и правда, уже пора ей родить, – тяжело заворочались мысли в похмельной голове Славика, – значит, можно к мамаше зайти и денег попросить, чтобы, значит, передачу купить. Интересно, кто родится? И мой ли? – опять дал о себе знать червь сомнений, который грыз его уже не один месяц.

– Ну, вот, Светлана, принимай соседку. Вместе будете лежать, тоже только что родила. И тоже мальчика, – дружелюбно объявила медсестра Таня, вкатывая в палату каталку с, лежащей на ней, женщиной.

– Здравствуйте, я – Света, – откликнулась блондинка с кровати у окна.

– Тамара, – коротко ответила новенькая.

И отчего-то смутилась Светлана, показалось ей, что соседка не хочет общаться с ней. Может, чувствует себя плохо?

– Тамара, если Вам что-то нужно, Вы не стесняйтесь, скажите, я себя хорошо чувствую, могу помочь, – предложила Света.

И таким душевным показался Тамарочке голос этой Светлой Женщины, что она сразу прониклась к ней доверием и симпатией. И захотелось и о себе рассказать, и поделиться своей радостью и переживаниями. Никогда и никому не хотелось ничего рассказывать, а вот этой захотелось. Больничные будни для этого, как нельзя, кстати, да и нездешняя она. Уедет, забудет, а на душе хоть чуть-чуть легче станет.

– Светик, Светка! – кричал за окном, приплясывая на февральском морозце, старлей Краснояров. Уже на следующий день с утра, только сменившись после наряда, он поехал в город и стоял теперь под окнами родильного дома, где накануне его жена Светлана родила сына-первенца.

– Это мой Ромка прилетел, – радостно сообщила Светлана и кинулась к окну.

Благо, палата находилась на первом этаже, поэтому можно было близко увидеть друг друга, и даже приложить ладошки к стеклу, как бы прикоснуться. Они долго что-то говорили друг другу через стекло, посылали воздушные поцелуи и смотрели в глаза. И радовались вместе рождению первенца. Тамарочка мельком глянула в окно и отметила про себя, что муж у Светки статный и симпатичный, и так ему форма идет. Прямо загляденье, а не мужик! А еще поразило счастливое выражение лица и восторг в глазах Красноярова. Поразило и царапнуло завистью чужое счастье. Прошли сутки с момента рождения сына, а Славик еще так и не объявился, хотя соседка Галина, отправляя Тамару в роддом, пообещала его разыскать и сообщить.

Появился он на третий день, но в таком виде, что с ним не только разговаривать не хотелось, смотреть на него противно было. Все его пьяные призывы остались без ответа. Тамара сделала вид, что это не ее кричит расхристанный, едва держащийся на ногах, мужчина. Все поняла Светлана, но ничего не сказала, и расспрашивать ни о чем не стала. Только очень больно ей было за эту симпатичную, но такую потерянную женщину. И Тамарочка оценила ее деликатность, и спокойно и неторопливо, как будто о чужом человеке, рассказала ей все о своей жизни, с того самого момента, как начала помнить себя, маленькую и несчастную детдомов-

скую девочку. Светлана слушала, не перебивая, сопереживая ей всем сердцем, и только задавала про себя вопрос: «Почему так несправедлива судьба? Одним все, а другим ничего! За что такая безрадостная жизнь досталась этой милой женщине с грузинским именем Тамара?»

– Чернецова, Тамара, ну, что с твоим малышом делать? Кричит, как резаный. Педиатр осматривала, вроде здоров. Ты его мало кормишь, что ли? Все время приходится из бутылочки докармливать, – сетовала детская медсестра Лена.

Тамарочка сидела, отвернувшись к окну, низко наклонив голову, и украдкой смахивала капающие слезы. Уже на второй день ребенок стал неспокоен. Каждое кормление стало для нее пыткой. Он жадно прикивал к груди, а потом начинал кричать и теребить сосок беззубым ротиком! Как требовательно и жалобно он плакал в эти минуты! Тамара понимала, что он просто хочет есть, но накормить ребенка было нечем. От всех переживаний и постоянной внутренней боли молоко исчезло.

Она качала его на руках и тихонько уговаривала потерпеть до возвращения в детскую, где его обязательно накормят. Но, как известно, уговорами сыт не будешь, и малыш заходился в плаче, разрывая сердце, чувствовавшей себя виноватой, матери.

Света, накормив своего малыша, тихо подошла к Тамаре и просто взяла из ее рук ребенка:

– Дай его мне. У меня молока много. Чем сцеживать, так лучше я твоего сынка накормлю.

Мальчик был крупный. Судя по всему, аппетит у него был отменный. Он тут же вцепился в Светлану и припал к груди с жадностью изголодавшегося волчонка. Он сжимал пальчики, вцепившиеся в халат, причмокивал и приставывал. Казалось, он так старался запастись пищей впрок. Наконец, насытившись, он блаженно прикрыл глаза и отвалился. На крошечном носике от проделанной работы блестели бисеринки пота.

– Ну, вот и славно! – еле слышно прошептала Светлана и легонько чмокнула малыша в носик-пуговку. – Теперь у меня есть еще один сынок, а у моего Валька молочный братец. Да и ты, Тамарочка, теперь мне, вроде, как сестрой приходишься. Так что давай держаться вместе. Ничего, моя хорошая, прорвемся, – сказала Света и прижала к себе плачущую Тамарочку. – Пока не выпишут, я его кормить буду, а там что-нибудь придумаем.

И от этой поддержки, не только моральной, но и конкретного дела, у Тамарочки слегка отлегло от сердца. И жизнь показалась не такой уж черной и страшной.

Все дни до выписки Света исправно кормила Тамариного малыша, а еще, действительно по-сестрински, делила пополам все, что успевал принести или передать ее Ромка. Они много и подолгу беседовали, в основном о том, как ухаживать за детьми. Других тем Светлана старалась избегать. Невозможно было рассказывать этой несчастной женщине с грустными глазами о любящих родителях и муже, о том, что дома уже все приготовлено, и все с нетерпением ждут их возвращения, о том, что мама обещала приехать и помочь на первых порах с ребенком. У Светы замирала душа при мысли о том, что Тамарочка окажется после выписки один на один с младенцем, которого нечем кормить. На чью-либо помощь рассчитывать не приходилось. К Тамаре не приходил никто.

Уже тогда у Светланы возникла мысль о том, что ей нужно постараться как-то помочь Тамарочке, поддержать ее. Тамару своей сестрой, а ее ребенка сыном она назвала вполне искренне.

– Это не просто встреча, а встреча на всю жизнь, можно сказать судьба, – размышляла про себя Светлана.

– Ну, что, красавицы! К выписке будем готовиться, – объявила на утреннем обходе палатный врач Нелли Ивановна. – Так, Красноярова, у Вас все в порядке, ребенок тоже здоров. Так что, Вам у нас делать больше нечего. Как сына-то назвала, Светлана? – поинтересовалась доктор.

– Папа Валентином назвал, – с удовольствием сообщила Света.

– А Вы, Чернецова, как называли ребенка? – продолжила беседу доктор, обращаясь к Тамарочке. – У Вас тоже все хорошо. И Вы, и ребенок в норме.

– А я Павлом назову сына, крепкое имя, мне нравится, – сказала Тамара.

– Вот и хорошо, Валентин и Павел, – подытожила Нелли Ивановна. – Такие славные парни у вас, женщины. Прямо на загляденье, красивые и крепкие. Дай им бог здоровья и удачи. Ну, с Богом, девочки. Завтра домой!

На следующий день, пританцовывая на месте от нетерпения, Ромка Краснояров с шампанским и конфетами встречал Светлану и сына в приемной роддома. У подъезда стояла машина, готовая в тот же миг умчаться на родную заставу. Тамарочку не встречал никто. Она сама приняла из рук медсестры сверток с ребенком. В этот миг она краем глаза успела заметить, как трепетно принимает Ромка Краснояров своего ребенка, как нежно целует жену, как светятся счастьем их лица. В носу предательски зашипало, увлажнились глаза. Но, как когда-то в детстве, Тамарочка стиснула зубы. Никто и никогда не увидит больше ее слез! Она все сможет, она не пропадет!

– Тамарочка, пойдем в машину. Мы тебя подвезем. – это Света подошла, чтобы забрать подругу. Не могла она оставить ее на февральском морозе одну с младенцем на руках.

– Не расстраивайся, все у тебя и сына будет хорошо, – обняла и расцеловала новую подругу Света.

– Конечно, Светочка, и тебе всего хорошего. Пока. Мы сами доберемся, – больше из вежливости сказала Тамара и решительно пошла к выходу. Безусловно, Света была ей симпатична, но уж такой несчастной и никому не нужной чувствовала себя Тамарочка рядом с ней, что сил терпеть это дольше просто не было!

В груди все словно окаменело. Шла, стиснув зубы, и повторяла про себя одну фразу: «Я сильная, у нас все будет хорошо». Только, как все будет, и как оно будет выглядеть это самое «хорошо», даже представить себе не могла.

Вдруг позади себя услышала, как рядом притормозила машина, и мужской голос:

– Тамара, садитесь в машину, мы Вас подвезем!

– Нет, спасибо, тут рядом, я сама дойду, – автоматически ответила Тамара, и пошла дальше, даже не оглянувшись. А в голове неприязненная мысль: – «Ну, че прицепились? Не нужна мне ничья помощь, сама справлюсь».

Но Роман уже выскочил из машины и осторожно, но настойчиво подталкивал Тамару к открытой дверце. Пришлось подчиниться и сесть. Света, почувствовав внутреннее состояние Тамары, с разговорами не приставала. В машине ехали молча.

Когда подъехали к дому, Роман пошел провожать Тамару до квартиры. С ребенком в ватном одеяле и сумкой с вещами на пятый этаж подниматься не так уж легко. Дверь квартиры Тамара открыла своим ключом. Был рабочий день. В квартире было тихо, соседи были на работе, а благоверный, видимо, опять где-то добывал лекарство для измученной души.

Тамара, войдя в квартиру, тихо ахнула и обессилено опустилась на край дивана. Перед отъездом в роддом она тщательно прибрала комнату. Знала, что никто не будет встречать ее с цветами и с накрытым столом. Но такого она точно не ожидала увидеть! В комнате был полнейший бедлам после большой гулянки. Гора грязной посуды и пустых бутылок, кругом окурки и спертый запах табака, разбросанная одежда, как будто кто-то что-то искал. И абсолютно пустой холодильник! И это несмотря на то, что она, предвидя свое одинокое возвращение, сделала кое-какие закупки на первое время.

– Извините, – едва выдохнула Тамара, – перед отъездом в роддом все прибирала, а тут вот..., – и обреченно развела руками.

– Ничего, Тамара, частично исправим прямо сейчас, – Роман стал выкладывать из сумки, принесенной им с собой, на стол крупы и макароны, молоко, сгущенное и сухое, банки с консервами. И даже несколько свежих яблок. А еще несколько коробок детского питания.

– Светланка сказала, что у вас с молоком проблема, так это Вам на первое время, а там педиатр должен прикрепить к молочной кухне, и будете питание для Павлика получать.

– Спасибо, конечно, но не надо, наверно. Вам и самим все это нужно. Время-то какое! Ведь в магазинах шаром покати, – слабо сопротивлялась Тамара, одновременно понимая, что это сам Бог послал, и без этой помощи ей сейчас просто не выжить.

– Ничего, Тамара, я – человек военный, мне паек дают, мы не пропадем. Мало, конечно, извините, но при первой же возможности что-нибудь еще отправим. Ну, пошел я. Не огорчайся, Тamarочка, ты же теперь мама! Сына береги! – по-свойски перешел на «ты» Роман и поспешно вышел, потому что сказать больше нечего, а что мог, то уже сделал.

– Да, Светик, ты была права! – сказал Роман, усаживаясь в машине. – Мы вдвоем, мы справимся. А там вообще безнадега. Вот, сволочь какая, – с горечью отозвался он о муже Тамары. – Как же так можно?!

Как правило, к возвращению роженицы с младенцем готовятся, делают ремонт или тщательно убираются. А еще готовят праздничный стол в честь появления в доме главного домочадца. Но, это в других случаях! Ее реальность была другой. Тамара еще некоторое время посидела, глядя на спящего младенца. Слезы подступали, готовые пролиться бесконечным водопадом. Как было жалко себя, малыша и свою загубленную жизнь! Но, как не раз в прошлой жизни, снова стиснула зубы, быстро переоделась и взялась наводить порядок. Хоть и сил было не так много, не могла она позволить себе расслабиться.

– Павлик, когда проснется, должен увидеть чистый дом и улыбающуюся маму, – думала Тamarочка, яростно уничтожая следы пребывания «благородного мужа».

Официально Тамара считалась замужней женщиной, и именно муж должен заботиться и обеспечивать свою жену и ребенка. Но ее Славику это было неведомо. Он свое новоявленное отцовство истолковал по-своему. В первый же вечер после выписки он явился за полночь, и требовал предьявить убудка для сличения.

– Томка, открывай, зараза! – орал и тарабанил ногами в дверь среди ночи Славик. – Посмотреть желаю на твоего вы... ка! Хочу знать, на кого похож! Предьяви!

Разбуженный малыш громко заплакал, а Тамара сидела на кровати, поджав ноги, и молилась только об одном, чтобы не выбил дверь. Или чтобы хотя соседи встали и вышвырнули его вон. Вступать с ним сегодня в новое сражение не было сил.

Так прошел день первый. А дальше потекли денечки, похожие один на другой своей безрадостностью, напряжением, нуждой и попытками как-то приспособиться и просто выжить. Муж продолжал свои «гастроли», изредка просыхая на короткое время, и опять ныряя в омут беспробудного пьянства. Жить дома не жил, но навещал, будучи под «шафе», исправно. Изматывал и без того устававшую до одури Тамару, закатывая сцены ревности и праведного гнева в адрес «гуляющей» жены.

– Итак, – подвела печальный итог Тамара, – Совсем одна. Надеяться не на что и рассчитывать, кроме как на себя, не на кого.

Родителей и родственников, даже дальних, нет. Близкими подругами, благодаря усилиям мужа и свекрови, не обзавелась. Надежда на что, что муж с рождением ребенка одумается и все встанет на свои места, испарилась окончательно. И начался долгий период выживания. Именно выживания.

Раздумывать о том, как и на что жить, ни сил, ни времени не было. Каждый ее день был расписан буквально по минутам и подчинен расписанию сна и бодрствования младенца. Как только ребенок засыпал, она успевала убирать, стирать, готовить, ходить в магазин. Через пару недель, когда поняла, что «декретные» тают на глазах, обзвонила своих бывших клиентов и приняла первые заказы. Спала буквально 3—4 часа в сутки, но деньги, пусть сначала не такие большие, все-таки появились. Когда Павлик начинал капризничать и плакать, Тамарочка, качая, уговаривала его:

– Сынок, ну что же ты? Дай маме время. Если мама не сошьет тете блузку, тетя не заплатит денежку, и нам с тобой нечего будет кушать.

И малыш, как будто понимая тревогу матери, унимался и засыпал. Так и рос мальчик под стрекот швейной машины.

А Тамара все шила и шила. И эта строчка была бесконечной, потому что мальчику с каждым днем нужно было все больше и больше. Себе она позволяла только самое необходимое, ему все самое лучшее: еда, одежда, игрушки. Она запретила себе смотреться в зеркало, потому что, глянув как-то раз мельком на свое отражение, просто не узнала себя. На нее смотрела постаревшая, усталая и сильно похудевшая женщина. От былой свежести и яркости не осталось и следа. словно кто-то недобрый, как ее бывшая свекровь, безжалостной рукой стер ее румянец на щеках и блеск в глазах.

Кстати, о свекрови. Через месяц после рождения Павлика раздался стук в дверь, Тамара открыла и остолбенела. На пороге стояла Евдокия Петровна со своим мужем.

– Ну, здравствуй, невестушка! – запела приторно-сладким голосом Гюрза. – Вот, пришли с дедом на внука поглядеть. Подарочки принесли, – и сунула окаменевшей Тамаре в руки какой-то сверток.

– Какая я тебе невестушка?! – звенящим шепотом зашипела Тамара, чтобы не разбудить уснувшего Павлика. – Какого внука посмотреть?! Вон пошли! Оба! Нет у вас невестки, а тем более внука нет! Никогда, слышишь, никогда не смей сюда приходить! Сын только мой! Даже не покажу никогда! На своего сынка любуйся! Радуетесь, что семью нашу разрушила и сына алкашом сделала?! Вот теперь с ним сама и разбирайся! А своего я сама без вашей помощи выращу. И заberi свои подачки, нам от тебя ничего не надо! – уже срываясь на крик, Тамара выбросила сверток и захлопнула дверь. В комнате заплакал, разбуженный криком, младенец.

Свекор со свекровью появились еще раз. Но Тамарочка, не простившая им своей искорверканной семейной жизни, даже на порог не пустила. Как ни уговаривала Евдокия невестку, разрешить хоть одним глазком взглянуть на внука, Тамара осталась непреклонной.

– У вас своя жизнь, а у нас своя! Нет у вас внука! А у меня мужа нет! Забирайте свое «счастье» и проваливайте! Глаза бы мои на вас не глядели! – заходилась в крике Тамара, вытесняя гостей из квартиры. – На подарки зря потратились! Не нуждаюсь. Сама сына выращу, – остервенело твердила Тома.

Девочки с работы тоже разок навестили, подарочек принесли. Да на этом и закончилось. У каждого своих забот полно, да и люди в принципе чужие, а душевных подруг у Тамарочки, как известно, не было.

И только Света и Роман не забывали Тамару с Павликом. С каждой оказией, отправлявшейся в город, они старались передать гостинцы. Роман получал офицерский паек, от которого и умудрялась Светлана выделить новой подруге гречку и рис, тушенку, рыбные консервы и сгущенное или сухое молоко. Когда на заставу приезжал «Военторг», Светлана ухитрялась покупать детские вещи в двойном экземпляре, для своего Вальки и для Павлика, о котором никогда не забывала. Так и стоял у нее перед глазами малыш с носиком-пуговкой, которого она кормила, как родное дитя. Да еще бледное Тамарино лицо, на котором, как пером на бумаге, было написано отчаяние и одиночество, да стыд за то, что ни она сама, ни ее ребенок никому не нужны. А еще страх перед будущим! Как жить-быть, когда даже в малом деле понадеяться

не на кого? Света приняла ее боль, как свою. И изо всех сил старалась, насколько могла, смягчить удар судьбы. Как хотелось ей, чтобы Тamarочка почувствовала в них с Ромой помощь и поддержку!

Сначала Тamarочка была искренне благодарна Роману со Светой. То, что они делали для нее, было очень существенной подмогой. Каждый раз, получая посылочку от Краснояровых, Тamarочка плакала от осознания того, что есть на свете добрые люди. Постепенно у всех такое положение дел вошло в привычку: одни считали своим долгом отдать, а другая получить. И если вдруг «передача» задерживалась на продолжительное время, то это стало вызывать сначала недоумение, а потом и неудовольствие. А как же вы хотели!? Вы в ответе за тех, кого приручили! Со временем чувство благодарности притупилось совсем, и появилось устойчивое чувство злобы и зависти. И опять одни и те же вопросы не давали покоя: «Почему так несправедлива жизнь? Почему одним все, а другим ничегошеньки?» Тамара и сама не заметила, как в мыслях своих стала желать Светлане жестокой судьбы.

– Пусть и она тоже узнает, каково жить нелюбимой, одинокой, без поддержки! Сможет ли она остаться такой же доброй и светлой? – зло накручивала себя Тамара, разглядывая в зеркале почти незнакомую женщину с усталым, бледным от недосыпания лицом и впалыми щеками. – Куда девались бывшие красота и привлекательность? Где мои тугие, с ярким румянцем щеки? Где мои блестящие и озорные глазки?

И жалко ей было себя с каждым днем все больше. И ненависть ко всему миру кипела с каждым часом все круче. И даже ребенок, которого она была вынуждена кормить и ухаживать за ним, постепенно стал вызывать не любовь и умиление, а дикое раздражение и злобу. Ведь это из-за него она сейчас терпит нужду, несвободна, отдает ему столько физических сил, что порой валится с ног.

А ребенок, видно, чувствовал нелюбовь матери. Да еще посещения буйного папаши добавляли «спокойствия». Маленький Павлик практически перестал спать и орал, как резанный. А еще болел, не переставая, выматывая окончательно, смертельно уставшую мать. Так прошел год.

Светлана и Роман, особенно первое время, частенько вспоминали Тамару. Даже пытались поддерживать с ней отношения. Как только случалась оказия, передавали с сослуживцами, ехавшими с заставы в город, вещи для ребенка и продукты. Тамара гостинцы принимала, говорила гонцу спасибо, но ни разу даже записку не написала. Просто просила передать, что у нее все нормально.

Жизнь шла своим чередом, подошло время отпуска и замены. Рома и Света планировали отпуск провести у родителей, познакомить, так сказать, внука с дедушками и бабушками. А потом уже к новому месту службы. Уезжали они из Забайкалья, думая, что навсегда.

За день перед днем рождения Валентина и Павлика Краснояровы прибыли в Читу. До вылета самолета было часов шесть, поэтому Краснояровы купили гостинцев и решили сами навестить Тamarочку и Павлика, повидаться и попрощаться. Тamarочка стояла у окна с ребенком на руках, когда увидела, приближающуюся к ее подъезду, молодую пару. Сердце екнуло и больно заныло. Она сразу узнала Свету и Романа. На руках у Ромы сидел пухлый младенец.

– Счастливые какие! – с завистью подумала Тамара. И сразу в голове заметались мысли, как избежать встречи. Снова быть свидетелем чужого счастья и чувствовать себя брошенной и никому не нужной, было выше ее сил. Она закрыла все двери и заперлась с ребенком в ванной.

– Странно, дома никого нет. Может гулять ушли или в магазин, – размышляли Краснояровы, стоя перед запертой дверью.

– Давай перед подъездом на скамейке подождем, ведь время еще есть, – предложила Света.

Тамара украдкой выглянула в окно и увидела их, расположившихся на детской площадке. И молила только об одном, чтобы не вернулись домой соседи и не открыли дверь ее гостям. Через полчаса, так и не дождавшись «возвращения» Тамары, Краснояровы поехали в аэропорт, передав гостинцы через бабушку-соседку, уверявшую, что Томка точно дома, так как она уже час здесь сидит, а та из дому не выходила. Уходили, бросив прощальный взгляд на окна Тамары. В душе у каждого было неуютно и грустно, но обсуждать эту тему не стали. Впереди были приятные хлопоты, встреча с родителями, новое место службы и вообще целая жизнь.

Вновь сосущая пустота, как тогда в роддоме, заполонила каждый уголок измученной души Тамары. Слабая радость по поводу годовщины сына улетучилась, как дым. Все снова было черно.

День рождения Павлика Тамара праздновала одна. Приготовив ужин из того, что было, она купила к празднику бутылочку водки. Первая рюмка опалила горло жестоким огнем! Но уже через несколько минут по телу растеклось тепло, мысли стали легкими и приятными. Странно, но даже и заботы отодвинулись, как будто их и не бывало! Ах, если бы еще и это вечно ноющее существо заткнулось бы, хоть на некоторое время! И Тамара плеснула, совсем чуть-чуть, как ей показалось, в бутылочку с молоком огненной воды. Павлик высосал молоко, осоловел и заснул крепким сном. Какое счастье, когда в доме тихо! Сидя за столом в полном одиночестве, Тамарочка наслаждалась тишиной и возможностью, хотя бы, спокойно поесть. Не допуская в голову тяжелых мыслей, Тамара пила рюмку за рюмкой, и даже сама не заметила, как забылась тяжелым сном. Впервые за пролетевший год, она спала всю ночь, не просыпаясь. Очнувшись утром, она сначала даже не могла сообразить, отчего так тихо в комнате. И вдруг страшная мысль словно обожгла! Она вспомнила, что вчера напоила сына водкой.

– Он, наверно, умер! Господи, что теперь будет? Что я наделала! – пронеслось в похмельной голове Тамары. Ноги и руки сразу стали ватными. Она понимала, что нужно посмотреть ребенка. Но тягучий страх сковал безвольное тело. Было жутко подойти к кровати и увидеть бездыханное тельце сына. Горло вдруг стало сухим и голос застрял внутри, как будто зацепился за шершавые стенки. Осторожно, на цыпочках Тамара подкралась к кровати и заглянула в нее. Мальчик спал глубоким, но беспокойным сном. Темные волосы спутались на вспотевшем лобике, носик-пуговка покрыт испариной. Дыхание было тяжелым, но все-таки он дышал! Вроде, все было нормально. Жив! Слава Богу, жив! Животный страх сменился отчаянной радостью. Она пристальнее взглядела в лицо сына и вдруг с ужасом отметила про себя, что не было в лице этого ребенка той ангельской чистоты, которой обычно дети отмечены в младенчестве. Лицо Павлика было жестким и напряженным. Выражение личика было таким, как будто за этот бесконечно долгий год жизни ему уже пришлось пережить столько много неприятностей и бед, что и в будущем ждать от жизни ничего хорошего не стоит.

Тамара безвольно опустила на колени перед кроватью сына. Она мысленно просила прощения у сына, у Бога за тот безрассудный поступок, который совершила, почти не помня себя. Молилась долго и истово, просила прощения и помощи. А еще просила, чтобы жив остался сынок. Клялась любить его и жалеть, только пусть живет!

Павлик проспал до обеда, а Тамара так и караулила его, неотлучно сидя у кровати малыша. Сначала она уловила тяжелый вздох, а потом раздался плач сына. И этот плач, который еще накануне приводил ее в бешенство, был сегодня за счастье. Ведь жив же! Тамарочка целый день не спускала сына с рук. Кормила его и играла с ним, а потом баюкала без крика и истерик. И от искреннего раскаяния как будто вскрылся нарыв, и наступило облегчение. Душа была спокойна и чиста! А малыш, словно растерявшись, не понимая непривычной смены поведения и настроения мамы, тоже был тих и спокоен. В этот день, после того страха, кото-

рого она натерпелась возле кроватки сына, не зная, жив ли он, Тамара поклялась себе, что всю свою жизнь без остатка она посвятит своему дорогому сыночку, в струнку вытянется, но ее сын никогда и ни в чем не будет знать отказа, чего бы ей это ни стоило.

Годовщину своего сына Краснояровы праздновали в Питере у родителей Светланы. На это время пришелся отпуск Романа. Его родители тоже подросли в Питер к приезду детей. Сколько радости и счастья было в глазах всех этих людей! А как же, родные люди встретились после долгой разлуки! Да еще и внука привезли на смотрины! Все, кроме матери Светланы, видели маленького Валентина в первый раз. С каким вниманием и даже придирчивостью деды и бабушки рассматривали малыша. Как хотелось каждому найти в ребенке свои черты! Каждый видел в нем и свое продолжение. Ребенка передавали с рук на руки, как переходящее Красное Знамя.

– Смотри, Оля, у него бровки мои и губки, как у нас со Светланкой, – ликовал старший Скоробогатов.

– Зато руки и ноги, даже все пальчики и ноготки, мои и Ромкины, – парировал дед Краснояров, – Значит, фигурой в нас, в Краснояровых пойдет.

– Ой, а волосики, беленькие и волнистые, как у меня и у Светланки в детстве! – восхищалась Ольга Трофимовна Скоробогатова.

– Зато глаза у него точно мои! Зеленые и все тут! Даже Ромке таких глаз не досталось, а вот внучок в меня глазами пошел. Красавец! – с гордостью завершила осмотр бабушка Красноярова.

А потом лелеяли и тетешкали, и купали все вместе свое счастье, с трепетом следя за тем, как маленький и важный Валек стал вдруг, как юркая рыбка, и принялся отчаянно бить руками по воде, обдавая всех веером брызг. И все было здорово и приятно, и счастливому умилению не было предела! А после купания и кормления, когда утомившийся малыш заснул безмятежным сном, все удалились на цыпочках в гостиную, и шушукались, и шикали друг на друга, охраняя сон своего дорогого наследника. Старшие одобрительно поглядывали на детей, а они были ужасно горды тем, что сотворили такое чудо! Любовь и благостное умиление осязаемо витали в воздухе! В такие минуты всегда кажется, что счастье вечно!

– Разбойник! – в изнеможении кричала соседка по площадке и грозила кулаком вслед убегающему Павлику. – Вот я матери твоей все расскажу! Ишь, удумал газеты в ящиках поджигать! Ты ведь дом спалишь, ирод! Обормот! Безотцовщина!

– А ты видела, что это я?! Не докажешь! Сама карга старая, тебе уже помирать пора, а ты все свет коптишь, – огрызался Павел, задетый за живое словом «безотцовщина», которое все чаще слышал он в свой адрес. Это слово било его в самое уязвимое место, больнее, чем все ругательства вместе взятые. В раннем детстве Павел отца, может быть, и видел, но не помнил, тем более не мог оценивать его самого и его поступки. Однако, когда мальчик уже вошел в сознательный возраст, отца он видел всего несколько раз, но уж лучше бы он умер. Так решил про себя Павлик, когда пьяный и растрепанный мужик тянул к нему грязные руки и слюнявым беззубым ртом твердил, что он его батя. Что мог испытывать к нему ребенок, кроме отвращения?! Остальных встреч он старательно избегал.

– Если Этот будет приходить к нам, я из дома убегу, – серьезно и совсем по-взрослому сказал он матери в свои неполные семь лет.

И так это было сказано, окончательно и бесповоротно, что Тамара, внутренне охнув, и вправду поверила, что так оно и будет. С тех пор дверь их дома перед Славиком закрылась окончательно. Так и жили вдвоем мать с сыном.

С того самого памятного дня в душе Тамары, нисколько не ослабевая, жило чувство вины перед сыном. И всю свою последующую жизнь она, казалось, подчинила одной цели – искупле-

нию своего греха перед ним. За исключением коротких часов сна все остальное время она находилась в работе. Работа в ателье, шитье дома с раннего утра или до позднего вечера, домашние хлопоты, все лежало на ее хрупких плечах. Но Тамара не роптала, хваталась за любую возможность заработать денег. Одна идея безраздельно завладела всем ее существом: ее сын ни в чем не должен знать нужды. И он был всегда сыт, хорошо одет и обут, у него были самые хорошие и новые игрушки. Все было у Павлика, причем у первого среди сверстников.

Шло время, и в мальчике с каждым днем крепла уверенность в том, что этот мир создан только для удовлетворения его потребностей, и все, живущие вокруг него люди, существуют именно для этого. Учился он далеко не блестяще, зато физически был сильнее многих в школе. Высокий и крепкий, удавшись телосложением в отца, он ходил по школе, высоко подняв свою темноволосую, кудрявую голову. Чистое, слегка бледное, лицо, темные брови вразлет, бархатные карие глаза в обрамлении пушистых темных ресниц. И всегда легкая ухмылка на полных розовых губах. Красавец! Девчонки всех классов тайно вздыхали о нем. Он очень рано осознал свою мужскую привлекательность, но до определенного времени девчонки его мало интересовали. Гораздо интереснее было сколотить мальчишек в компанию и под своим предводительством организовать какую-нибудь игру или шалость. Шли годы, и детские шалости постепенно перерастали в хулиганские выходки. Однако, все творилось чужими руками. Павлик был достаточно умен, чтобы не быть напрямую замешанным в том, что называлось противозаконными действиями. С детства у него был выраженный лидерский характер. Жизнь преподавала ему урок манипулирования людьми, и он усвоил именно этот урок, в отличие от всех остальных, прекрасно. Павлик вырос, и авторитет его среди сверстников был непререкаем. А если кто-то осмеливался с ним соперничать, становился его смертельным врагом. Покушения на свою главную роль он не прощал никому. И рано или поздно, он наказывал своих соперников, никогда не забывая нанесенной обиды. Хладнокровный, хитрый и изворотливый! И всегда не при делах! Недаром говорят: «Гены пальцем не раздавишь». Вот где проявились черты родной бабушки Евдокии Петровны.

Краснояровы, прослужив в Забайкалье три года, перебрались в Москву. Роман после получения очередного звания был направлен на учебу в Академию. Новое место жительства, новые заботы, новые друзья. В общем, все как у обычных людей в обычной жизни. Огорчались и радовались, преодолевали встречавшиеся трудности и праздновали достижения и успехи. С друзьями по прежним местам службы общались и встречались сначала часто, потом все реже. Жизнь! И только никогда не забывали о Тамаре и ее Павлике. В Новый год и в их дни рождения обязательно писали, присылали подарки, невзирая на то, что никогда не получали ответа. Тамара, хоть уже и не нуждалась в чужой поддержке, подарки получала исправно. Но почему-то внимание со стороны Светы и Ромы уже не вызывало в ней никаких чувств, ни радости, ни благодарности. Она воспринимала это, как само собой разумеющийся факт. И почему-то никогда не возникло у нее желание написать, просто сказать спасибо за то, что ее помнят и любят, и заботятся о ней.

Прошло четырнадцать лет с тех пор, как Краснояровы покинули Забайкалье. И вот новый поворот судьбы. Для дальнейшего продвижения по службе Роману нужно вновь вернуться в Читу, всего лишь на год. Но уже на генеральскую должность. А после получения генеральского звания откроется еще более серьезная перспектива в карьере. Света и Рома, не колеблясь, решили, что это их шанс. Тем более, что их Забайкальем уже не испугаешь. Ведь жили же три года на дальней заставе. А тут предоставляется комфортное жилье в областном центре. Да и год всего! Хотя, ужасно не хотелось оставлять насиженное место в Москве. Валеку учился в специализированной школе с математическим уклоном, быт был налажен. Да и родители за это время так привыкли, что их дети, а самое главное внук, совсем рядом. А внук, между тем, тоже не захотел отставать от родителей и засобирался вместе с ними.

– Валентин, ну тебе-то зачем ехать туда? – пытался отговорить внука дед Скоробогатов. – Живи у дедов Краснояровых в Москве. А можешь к нам перебраться, в Питер. И школу нормально закончишь, и поступишь. Зачем тебе накануне выпускных экзаменов все так резко менять в своей жизни? Зачем создавать себе лишние сложности?

– Ну, как ты не понимаешь, дед! – кипятился Валек, отстаивая свое решение.

– Мне ведь тоже нужно воспитывать характер и трудности учиться преодолевать. Да и вообще, мне, конечно, с вами хорошо, но я хочу жить с мамой и папой. Ведь мы – одна семья. Даже когда я был маленький, мама никогда и никуда не отправляла папу одного. Мы всегда и везде были вместе. А уж теперь-то, что за меня переживать? Я уже взрослый, самостоятельный. И школу нормально закончу, и поступлю как все. И вообще, я – как папа. Я ведь тоже буду военным, поэтому переезды не должны быть для меня чем-то пугающим или сверхъестественным. Мне ведь тоже придется по службе и переезжать, и место обжитое оставлять. Надо сразу привыкать. А уж если я пойму, что мне это не по нраву, значит, нечего соваться в военную профессию. Дома тогда надо сидеть!

И никакие уговоры не могли повлиять на его решение. Пришлось всем смириться с тем, что Валентин едет с родителями в Забайкалье.

– Юлька, ну, как ты не понимаешь, что мне обязательно с родителями нужно ехать? – уговаривал плачущую девушку Валентин. – Заодно и чувства свои проверим. Если дождешься меня, значит, мы точно – пара. Юль, это всего один год, а потом я снова вернусь, и мы уже никогда не расстанемся. Впереди у нас с тобой целая жизнь!

А девушка прижималась к нему, утирала, бегущие ручьем слезы, и твердила одно и то же:

– Если ты уедешь, мы с тобой никогда не увидимся. Мы потеряем друг друга. Как ты этого не понимаешь? И не потому, что я тебя не дождусь, или у тебя появится другая девушка. Просто у меня предчувствие такое, что ты уедешь навсегда. А я не хочу тебя отпускать, не хочу с тобой расставаться! – И снова частые слезы катились по девичьим щекам.

– Ты это вообще из головы выбрось! Какая еще другая девушка? – возмутился Валек. – Ты неужели еще не поняла, что ты у меня одна?! Одна и навсегда! И не нужна мне никакая другая! Я ведь однолюб, Юлька. Так что, настраивайся. Вот окончим школу, вернусь из Забайкалья, поступим и сразу поженимся, – планировал их общее будущее Валентин, обнимая свою любимую девушку.

– Юленька моя, солнышко, – нежно бормотал Валек и легонько, едва касаясь кончиками пальцев, гладил пушистый светлый завиток на шее девушки.

И Юлька, как маленькая птичка, как будто успокоилась в его руках, притихла. И только в самом дальнем уголке души, вонзившийся острый коготок предчувствия беды, не оставлял в покое, тревожил девичье сердце.

Первое сентября выдалось на редкость теплым. День был солнечный и яркий, как подарок к празднику. Во дворе школы толпились группки учащихся. Предстояла общешкольная линейка. Белые воротнички, фартучки в рюшечках и кружевах, и огромные банты школьниц, строгие костюмы и белые рубашки мальчиков, яркие пятна букетов цветов подчеркивали торжественность момента и создавали праздничное настроение. Соскучившись друг по другу за время длинных летних каникул, ребята радостными воплями встречали каждого, кто присоединялся к своим. Толкались, хохотали, бегали друг за другом. И только Павел держался особнячком, в окружении своей компании. Лицо его выражало надменную снисходительность. Его статус некоронованного короля школы не позволял ему вести себя также шумно и радостно, как обычные девчонки и мальчишки. К тому же, он уже выпускник, не какая-то мелочь пузатая. Стайка десятиклассниц в ожидании линейки тоже радостно гомонила. Девчонки обменивались летними впечатлениями и бросали короткие заинтересованные взгляды на своих, вдруг

выросших за лето, одноклассников. Стоит ли говорить, что главное внимание девчонок приковал к себе Павел? Но его, казалось, это никак не трогало. Хотя, если присмотреться, можно было заметить, что и он, чутко и настороженно, ловил взгляд одной девушки, своей одноклассницы, на которую еще в прошлом году не обращал ровно никакого внимания. А сегодня вдруг как будто глаза открылись, и он увидел, как она хороша!

Марина Ветрова. Маринка. Еще совсем недавно для него обычная девочка. Высокая и тонкая, рыжеволосая и голубоглазая. Ну и что? Ничего особенного! Хотя, как сказать. Уже в прошлом году ее на школьном балу выбрали Королевой. А еще она была отличницей и заводилой в классе, и всеобщей любимицей и авторитетом не только среди девчонок, но и мальчишки прислушивались к ее мнению. Только Павел ее почти не замечал. Не трогала она его сердце. Ни она, ни какая-либо другая девушка! А тут, вдруг, взглянул и зацепило! Да как зацепило! Старался не показать своей заинтересованности, но против воли искал глазами тонкий силуэт. Вот это да! Это неожиданное открытие сладко тревожило сердце, но в то же время злило и раздражало его. Переломив себя, Павел демонстративно отвернулся от девушек, но продолжал чутко прислушиваться к ее голосу, смеху.

Первого сентября всегда чествуют первоклашек. Вот и сегодня для них прозвучал первый звонок, слова напутствия от учителей и выпускников. Линейка закончилась. Все потянулись по своим классам.

Десятый «А» расположился в своем родном кабинете биологии. Классный руководитель Анна Сергеевна была химик-биолог. Вот уже и звонок прозвенел, а ее все не было. В ожидании учителя ребята перебрасывались шутками, кто-то устраивался на новом месте. Минут через десять после начала урока открылась дверь, и вошла Анна Сергеевна в сопровождении молодого человека. Встала у стола в ожидании тишины. И, когда все обратили на нее внимание и притихли, объявила:

– Ребята! В нашем классе новенький. Он будет учиться с нами только один год, но, я думаю, что вы подружитесь. Представься, пожалуйста.

– Краснояров Валентин, – в меру громко и четко произнес юноша. Высокий, широкоплечий, стройный, как юный бог. Слегка волнистые светло-русые волосы, открытые зеленые глаза с длинными ресницами, прямой нос и четко очерченные губы. А еще легкий румянец на щеках и нежный пушок над верхней губой. Держался он спокойно и естественно. И эта его уверенность в себе сразу располагала, вызвала желание пообщаться, узнать его. Ребята одобритительно загудели, а девчонки, сразу окинув новенького оценивающим взглядом, зашушукались. По классу отчетливо пронеслось: «Красавчик».

– Где есть свободное место? – спросил Валеk и окинул класс вопросительным взглядом.

– Если ничего не имеешь против девушек, садись со мной, – услышал Валеk девичий голос и перевел взгляд на нее. Рыжая, с молочно-белой кожей, голубоглазая девушка открыто смотрела на него и улыбалась.

– Девушек уважаю, – ответил Валентин и направился, было, к ее столу.

А сердце Павла вдруг противно заныло, и волна злости накрыла с головой.

Вот это номер! Новенький! Только появился, и тут же встал на его пути. Может быть, в прошлом году Павел даже не обратил бы на это внимание. Ведь Марина для него не существовала. Но сегодня! Стоило только Павлу почувствовать, что эта девушка ему нравится, сразу появилось препятствие в виде этого выскочки. Не мог он позволить ему так запросто завладеть вниманием Маринки.

– Ишь, какой шустрый, – насмешливо произнес Павел, – Заметьте пацаны, только появился и сразу к самой красивой девчонке клеится. И окинул ребят взглядом, проверяя реакцию одноклассников на свои слова.

– Ты когда увидел, что я красивая? – вступила в разговор Марина.

Но Валек сразу оценил обстановку, увидел в этом видном парне лидера класса и, отреагировав на его слова, примирительно сказал:

– А у тебя свободно? Если ты не против, могу сесть с тобой. Ну, так как?

– Уж лучше пусть со мной сидит этот перец, а там видно будет – подумал Пашка, и широким приглашающим жестом убрал свою сумку с соседнего стула: – Добро пожаловать! Мы новеньким рады.

Валентин без лишних разговоров подошел к столу и устроился на соседнем стуле.

– Валек, – негромко повторил он свое имя и протянул руку Павлу.

– Паха, – ответил сосед и пожал протянутую руку. Пожал намеренно крепко, проверяя на прочность новенького. Но он оказался не промах и тоже ответил сильным рукопожатием.

Знакомство состоялось. Первый раунд встречи прошел вничью: один-один.

На перемене следующий пробный шар.

– Пошли во двор, покурим, – предложил Павел новенькому.

– Во двор пойдем, но я не курю, – и снова твердый ответ и открытый взгляд, без тени неуверенности или неловкости.

После уроков Павел собрал вокруг себя свою компанию. Приглашение принять участие в обмывании первого учебного дня получил и Валек.

– Проставиться бы надо. В коллектив вливаешься, – намекнул Павел.

– Не могу, мне на тренировку. Да и не пью я, – нисколько не смущаясь того, что его могут поднять на смех, ответил Валек.

– А мы употребляем, – со смехом сказал Павел и окинул взглядом компаньонов, призывая оказать давление на несговорчивого новенького.

– Дело ваше, а мне некогда, – нисколько не тушуясь, парировал Валек и повернулся, чтобы уйти.

– Эй, парень, погоди, – прихватил его за рукав Пашка. – Так не делается. Ты что, коллектив не уважаешь? Сам не пьешь, так нам налей. Правда, пацаны?

– Руку убери, – спокойно и тихо сказал Валек. – Сказал нет, значит, нет.

– Да ты че, крутой что ли? Против коллектива, значит? – с тихой угрозой в голосе зашипел Пашка. – Ну, раз ты не пьешь, значит, мы тебя по-другому пропишем, – и кивнул своим пацанам.

Вокруг Валентина образовалось кольцо. Пацаны пока еще стояли тихо, но обстановка накалялась.

– Ребята, предупреждаю, чтобы без обид потом. Я десять лет каратэ занимаюсь, у меня черный пояс. Вас, конечно, больше, но я свое дело знаю, – продолжая оставаться спокойным, предупредил Валек и встал в боевую стойку.

Такого поворота дела не ожидал никто, и в первую очередь Павел. Возникла опасность ударить в грязь лицом перед своей свитой. В неравной драке есть незыблемое правило – невзирая на остальных, выбивают главного. И Пашка это правило знал. Перспектива быть побитым на глазах у всей компании ему не понравилась. Взвесив шансы на победу, а они показались ему совсем невелики, он отступил, постаравшись разрулить ситуацию и перевести угрозу на шутку:

– Ну ладно, ты, каратист, не кипятись. Мы же пошутили. Правда, пацаны? Надо же поверить, что ты за фрукт такой, – и смеясь, повернулся к своим и сделал знак не затевать драку.

– Валек, ну, как новая школа, новые друзья? – интересовалась Светлана, когда сын вернулся домой.

– Нормально, мамуль. Все, как везде. Если слабый, значит, будут клевать. Но ты ведь знаешь, что я у тебя не слабак. Так что, все нормально.

– Что, уже попробовали тебя на прочность? – заволновалась Светлана. – Может, лучше в другую школу перейти?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.